

Анатолий Росич

Охота на избранных

Анатолий Росич
Охота на избранных

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Росич А.

Охота на избранных / А. Росич — «ЛитРес: Самиздат», 2016

«Охота на избранных» – вторая книга трилогии Анатолия Росича о «герое нашего времени»... Сергей Грохов, вычисляя покровителей кандидата в президенты Украины, обнаруживает то, во что трудно поверить. Оказывается, проталкивает своего человека на высший государственный пост не какая-то западная спецслужба, а конкретный человек, суперигрок Норман Грехер. В Украине он сажает в президентское кресло своего человека, и это является генеральной репетицией перед аналогичным покорением России. Содержит нецензурную брань.

© Росич А., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

1	6
2	10
3	16
4	21
5	27
6	31
7	35
8	39
9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

*Все персонажи романа вымышлены. Всякое сходство...
– дальше, дорогой читатель, ты знаешь.*

1

Город бетонно сдавила потогонная июльская жара. Дома, машины, люди были перегреты, как яйца в инкубаторе, в котором сломалась вентиляция. Пиджаки норовили снять даже те, кому они положены по статусу и этикету. Не снимали их только телохранители, прячущие под ними пистолеты, да бомжи, которые в поисках пищи и приюта настолько одичали, что для них пиджак, свитер или даже куртка были чем-то вроде не снимаемой, не слиняемой шерсти у бродячей собаки.

Два таких представителя городского населения, как это ни странно, сели в такси – один среднего роста, сгорбленный, в грязно-синем пиджаке, обросший нечесаной, смолисто-скомканной черной шевелюрой и многодневной щетиной, второй высокий с густой темно-рыжей бородой, в помятой серой бейсболке и легкой, изрядно поношенной серой же ветровке с откинутым капюшоном.

Сначала таксист замахал руками – мол, не приближайтесь своими грязными задницами даже близко к машине, но когда рыжий вынул из кармана не очень засаленных брюк новенькую двадцатидолларовую купюру и без эмоций отдал ее водителю «Волги», тот, проверив бумажку на свет, небрежно бросил:

– На заднее сиденье. Аккуратно.

Рыжий, судя по всему – главный, открыл дверцу, запустил сначала друга, затем очень аккуратно и, на удивление, проворно уселся справа.

– Куда едем? – недоверчиво спросил таксист.

– Пока никуда, ждем, – хрипло ответил рыжебородый.

Минут пять машина стояла на проспекте Мира, близ Садового кольца, таксист толстыми шоферскими пальцами нервно постукивал по рулю, то и дело бросая тревожные взгляды в зеркало, следя, как ведут себя необычные клиенты. Те сидели спокойно, не разговаривая, даже не шевелясь.

Молчание нарушил двойной писк мобильного телефона из ветровки, что весьма удивило водителя – он еще шире раскрыл глаза в зеркале, как бы говоря: вот времена пошли – бомжи и те с мобилками!

Рыжий быстро достал телефон, посмотрел эсмэску, ничего не ответил, а только более пристально уставился в ветровое стекло. Прошло еще минуты три.

– Серую «Мазду» видишь? – властно проговорил главный бомж, показывая на автомобиль, выезжающий на проспект.

– Вижу.

– Давай за ней!

На Садовом кольце чуть не потеряли объект преследования.

– Догони! – рявкнул рыжебородый совсем не нищенским голосом чуть ли не в самое ухо водителю, когда выехали на Сretenку.

Тот поддал газу и через минуту «Мазда» оказалась в поле зрения.

– Теперь не спеши, – командовал неординарный бомж. – Повернешь в Большой Головин переулок и остановишься.

Когда пассажиры освободили такси, водитель уезжать не спешил, а все смотрел в глаза чудному клиенту в замызганной бейсболке.

– Что? – порывисто просипел тот. – Сдачи не даешь? Ну и не надо. Ты свободен.

Водитель, сдвинув плечами (дескать, воля клиента – закон) закрыл дверцу и рванул по переулку.

Дальше двое бродяг пошли пешком. У дома №13 остановились. Рыжий достал сотовый телефон, отошел в сторону, чтобы попутчик не слышал разговора, набрал номер и заговорил каким-то чужим голосом, совершенно не похожим на тот, которым разговаривал с таксистом.

– Миша, ты где сейчас?

– Доезжаем до Лубянки.

– Разворачивайся. Запомни адрес: Большой Головин переулок, дом 13, квартира 8. Как понял?

– Понял, дом 13, квартира 8. А...

– Да-да, мой телефон разрядился, я звоню с другого.

– Понял...

Минут через двадцать «Мазда» подкатила к дому №13. Из нее вышли двое. Приземистый водитель огляделся, снял солнцезащитные очки, зацепил их за футболку ниже шеи – здесь была тенистая сторона дома. А вот второй, плечистый мужик лет сорока, несмотря на жару, был в костюме, хотя и без галстука, в руке держал черный кожаный портфель – явно не пустой.

У парадного, к которому они направились, стоял, опершись на металлическую дверь, не высокого роста человек, давно не бритый, со слипшимися черными волосами на голове. Двое мужчин, конечно, не видели, как бомж, когда они приближались к дому, подал сигнал, трижды стукнув изогнутым костлявым пальцем в дверь, которая была приоткрыта. Первым зашел водитель, за ним человек с портфелем. На нижней ступеньке лестницы сидел второй бомж, согнувшись, словно схватившись за живот, лица не было видно, а только лохматые рыжие волосы выпирали из-под старой бейсболки.

Пренебрежительно поглядев на этого скрюченного получеловека, мужчина в костюме попытался обойти его. Но как только сделал шаг на лестницу, бомж с невероятной прытью вскочил и прыснул ему в глаза какой-то жидкостью из баллончика, в следующую секунду такой же химический удар в лицо получил водитель. Оба тут же отключились, свалившись на пол. Рыжий взял портфель, открыл его – там было полно денег, пачек двадцать сто долларовыми купюрами. Закрыв портфель, псевдобомж откинул полу пиджака у лежащего, улыбнулся легкой кривоватой улыбкой, увидев в кобуре пистолет, но не забрал его. Затем достал из кармана своего пиджака большой полиэтиленовый пакет, сунул в него портфель. Вся эта операция заняла не более минуты.

– За мной! – кинул бородатый напарнику, выйдя за дверь.

Они быстро скрылись за углом дома. Пропетляв несколько кварталов, остановились у пустынной детской площадки, под тенью старой липы.

Рыжий пошарил рукой в портфеле, вынул из него наугад небольшую пачку сто долларовых купюр.

– Держи. Посчитай.

Зеленые деньги зашелестели в черных, как у автослесаря, дрожащих руках.

– Посчитал?

– Да.

– Сколько?

– Тридцать одна.

– То есть, три тысячи сто долларов. Теперь слушай меня внимательно. Смени имидж и, главное, место обитания. А лучше – уезжай на время из Москвы. Все. Ты меня не знаешь – я тебя не знаю. Будь здоров.

– А...

– Что еще?

– Может, выпьем?

– Нет! Ни в коем случае! Отъедешь за сотый километр – там выпьешь. Но желательно еще дальше. Просто исчезни, заройся поглубже на пару месяцев. Это в целях безопасности. Тебя могут искать, если найдут – убьют. Понял?

– Понял...

– Ну, будь здоров. Давай, гребни отсюда, я жду! – повысил голос рыжий.

Когда временный друг ушел, он осмотрелся и, почти прижавшись грудью к стволу дерева, снял бейсболку, парик, бороду, и оказался темно русым, светлоглазым, в общем, привлекательным мужчиной на вид лет 35-ти. Когда-то он носил бородку. Но пришлось ее сбрить, родную, ради того, чтобы можно было приклеивать разные неродные. Снял и ветровку, он затолкал весь «макияж» в пакет и направился ловить такси. Если бы кто-то из редких в Москве знакомых увидел этого человека теперь, то узнал бы в нем Сергея Грохова, которого часто можно было встретить в здании Государственной Думы.

– Что?! Ты в своем уме? – гневно загудел депутат Госдумы Виталий Слепцов, когда его помощник Михаил Крепышин сообщил, что их ограбили.

– Виталий Степанович, я сделал все, как вы сказали... – оправдывался сорокалетний, опытнейший в перевозке валюты помощник.

– Что я сказал?.. Что я сказал?.. – выкатив огненно-карие глаза, распалился депутат.

– Как только вы позвонили, мы развернулись и поехали по указанному вами адресу. И там...

– Что там? – прервал Слепцов. – Где развернулись? По какому адресу? Кто позвонил? Я позвонил?..

– Вы... – Под напором простых, но агрессивных вопросов Миша не знал, что отвечать. Давно он не видел шефа в таком остервенелом состоянии.

– Я позвонил? Когда я тебе звонил? – допрашивал босс.

– Когда мы подъезжали к Лубянке...

– Когда это было? Во сколько?

– Около двенадцати...

Слепцов взял со стола мобилку, перелистал входящие и исходящие звонки.

– Я же не идиот. Сегодня я тебе звонил один раз, в девять утра. Все! Ты за кого меня держишь?

– Как в де... – запнулся Крепышин. – Вы звонили с другого телефона, вы еще сказали, что ваш разрядился...

– Что? – вскочил из-за стола Слепцов. – Ты что, совсем охренел?

Вдруг Михаила осенило. Он достал свой телефон, нашел входящий звонок и показал Слепцову. Тот долго смотрел на номер, пытаясь понять, что имеет в виду помощник.

– Ты хочешь сказать, что это я звонил? – постарался утихомириться Слепцов, ибо уже заподозрил, что у Крепышина что-то случилось со здравомыслием.

– А что, я ваш голос не знаю? – вскинул брови провинившийся.

– Голос? – хрипло выдал Слепцов и стал приближать свой раскаленный взгляд к размыто-светлым глазам помощника. Ему показалось, что они сейчас были слишком светлыми, безумно светлыми. – Значит, звонили из этого номера, и звучал мой голос?

– Ну да! – вскрикнул Михаил, словно обрадовавшись, что его в конце концов поняли.

Виталий Степанович медленно вернулся в свое кресло, стал поглаживать большую лысину на темени. С минуту молчал, думал. Не может быть, чтобы Миша, который работал у него уже почти десять лет, которого он взял в помощники еще в обл администрации, его кинул. Ведь он возил и не такие деньги – миллионы! Это была его специализация, возить деньги, и

за многие годы он ни разу никого не подвел. Исправно доставлял и ему, Слепцову, хорошие суммы за хорошее лоббирование, и от него нужным людям. На этот раз двести тысяч предназначались нужному человеку за содействие в открытии офиса в пределах Садового кольца. Крепышин, конечно же, вез деньги не в администрацию, а на квартиру посредника. Но получилось, что приехал совсем не на ту квартиру... Это какая-то фантастика. Нет, явный грабеж, но хитрый, фантастический. Значит, кто-то симитировал его голос? Кто? Кто знал, что Крепышин везет деньги? Как вычислить этого имитатора?..

– Давай-ка, Миша, все сначала, – пытаюсь быть предельно спокойным, промолвил Слепцов. – Расскажи максимально подробно, как это ты ехал в одно место, а попал совсем в другое.

– Значит, мы подъезжали к Лубянке... – снова начал рассказ Миша.

2

В это же время в парке на Чистых прудах два друга обсуждали только что проведенную акцию по экспроприации кожаного портфеля с преступно нажитыми двумястами тысячами американских долларов.

– Ну как, операция прошла успешно? – спросил Вадим, специально вызванный в Москву из Одессы.

– Неправильно! – поднял по-учительски указательный палец Сергей. – Ты там, в Южной Пальмире расслабился, забыл правильную терминологию. Надо тебя почаще оттуда выдергивать.

– Ах да! – взмахнул рукой друг-одессит, словно школьник, вспомнивший правильный ответ из домашнего задания. – Не операция, а игра! В данном случае игра-учеба?

Грохов отрицательно покачал головой.

– Игра-возмездие? – начал угадывать Вадим.

– Нет. Еще варианты.

– Игра-разминка? Игра-профилактика?

– Ну, каждая наша игра, частично и разминка, и учеба, и профилактика, да и возмездие тоже. Но в данном случае это игра-разведка, так правильнее всего.

– Понял: есть разведка боем, а есть разведка игрой. И что же она показала?

– Она показала, что мы на правильном пути, объект достоин такого внимания...

– ...которое мы ему оказали, – продолжил Вадим, в который раз демонстрируя, что они понимают друг друга с полуслова.

– Совершенно верно. Слепцов должен быть нам благодарен за такое доверие...

– ...ведь не каждый портфель не каждого депутата достоин быть предметом нашей игры...

– Да, – согласился Сергей. – И в качестве благодарности он должен выдать нам нечто такое, что гораздо важнее десятков таких портфелей. Так что, дорогой друг, придется тебе еще пару дней попариться в Москве. В Одессе сейчас прохладнее, но ничего не поделаешь.

– Пару дней? А я-то думал, ты мне предложишь пожить в Москве годик-другой.

– Обязательно предложу. Именно через годик-другой. А в ближайшее время нас ждет Киев.

– Вот как! Получается, из Одессы в Киев через Москву?

– Когда-то один умный человек сказал: твой лучший город тот, где ты был счастлив. Перефразируем: твой лучший город тот, где тебя ждет наиболее интересная игра. Так что настраивайся на мать городов русских.

– Как с квартирой?

– Бери нашу конспиративную на Владимирской, все равно нам нужно будет еще много квартир, в том числе для твоих людей. Чует моя душа, нам там скоро предстоит очень широко развернуться. А пока... Есть еще одна работа. Вот это... – Грохов достал из обычного поношенного полиэтиленового пакета (лучший способ переноски больших денег) пачку долларов. – Вот это, – он отсчитал четыре пачки, – сегодня же пойдешь в банк и перечислишь вот по этому адресу. Естественно, не светить отправителя, ты знаешь как.

– Понял, сделаем. А пятая? Ты сказал сорок тысяч, а здесь полтинник. Десять куда?

– Догадайся.

– Уже догадался, – ответил одесский гость Москвы с понимающей улыбкой, засовывая пачку себе в карман...

Сергей решил в этот же день провести еще одну разведку: поговорить (неважно о чем) со своим формальным шефом, депутатом Госдумы Алексеем Потылицыным, который часто контактирует со Слепцовым. А вдруг тот уже рассказал коллеге о дерзком налете среди бела дня? Интересно, как чувствует себя высокопоставленная жертва столь наглого ограбления, что намерена предпринять? Если Слепцов поделился своей «бедой» с Потылицыным, то, не исключено, тот также проговорится об этом вопиющем случае в непринужденной беседе со своим незаменимым помощником.

Грохов был внештатным помощником-консультантом Потылицына и такую же, но штатную, должность занимал в Украине. А карьеру в Москве начал год назад, приехав поработать на думских выборах. Познакомились с Потылицыным, когда тот с группой депутатов прилетел на берега Днепра в порядке обмена парламентским опытом. Сергей официально числился помощником-консультантом народного депутата Украины Василия Теневского, которому дважды, с интервалом в четыре года, обеспечивал победу на выборах. Тогда они проговорили почти всю ночь, Грохов произвел такое впечатление на думца, что тот под утро предложил ему аналогичную работу, советника и пиарщика, в Москве. Он понял, что имеет дело с политехнологом, которых даже в Москве единицы, а не советчиком (советчиков – много, специалистов – мало, особенно во время выборов). И не ошибся: именно благодаря Грохову Потылицын в декабре выиграл выборы в одномандатном округе в Подмосковье. Таким образом Грохов работал на две столицы: формально оставаясь штатным помощником депутата Верховной Рады (где официально получал зарплату), а фактически был помощником-консультантом депутата Государственной Думы.

– Сколько раз пытался бросить эту гадость... Не могу! – Потылицын, бывший ученый физик с приветливыми серыми глазами, аккуратными усиками и «курчатовской» бородкой повертел в руке сигарету и, брезгливо скривившись, с удовольствием затянулся. Выпустив дым, добавил: – А ведь вы, Сергей Владимирович, обещали помочь мне разобраться с ней, – он снова демонстративно поднял дымящую сигарету.

– Да, обещал, – согласился Грохов.

Тогда, год назад, он пообещал Потылицыну две вещи: помочь получить депутатский мандат, что было выполнено, и помочь бросить курить. До этой второй задачи Потылицын добрался только сейчас – видно, в буквальном смысле допекла сигарета.

– Так с чего же начать? Навскидку, прямо сейчас, можете посоветовать? – поставил вопрос своему советнику 55-летний депутат.

– Давайте вместе задумаемся: чего вам не хватает, чтобы бросить курить?

– Не знаю. Силы воли, наверное.

Сергей улыбнулся и сказал:

– Могу лишь повторить слова из литературного шедевра, которые один персонаж сказал другому: вы никогда не ошибаетесь, но на этот раз вы ошиблись.

– В чем же моя ошибка? – любознательно сверкнул глазами Потылицын.

– Не хочу вас учить, Алексей Фомич, вы старше, но поверьте, сила воли здесь ни при чем. Или почти ни при чем.

– Как это ни при чем? Расшифруйте.

– Попытаюсь. Недавно американцы опять придумали какие-то таблетки для желающих бросить курить. Потому что, якобы, благодаря силе воли только один из десяти может это сделать. Они пришли к такому выводу. Может, статистика и правильная, что только один из десяти может сам справиться с гиблой привычкой. Да только сила воли здесь почти никакого значения не имеет, они путают понятия. Американцы не привыкли к душевной работе, они ее боятся, думают, что их душу вылечит психоаналитик, ведь они платят ему деньги.

– Так, согласен. Но что же, по-вашему, в данном случае имеет значение?

– Сила жизни.

– Расшифруйте, пожалуйста.

– Для того, чтобы избавиться от вредной привычки, нужно иметь единственное: смысл жизни. Понимать значимость своей жизни, ее ценность, ее уникальность, ее незаменимость. По идее, эту ценность жизни должны вкладывать нам в голову с раннего детства, родители, школа, но этого не делают даже в институте. Считается, что это само собой разумеющаяся вещь, а оно не так.

– Почему же не так? Ценность жизни заложена в нас природой, инстинкт самосохранения, в случае чего, скажет свое слово.

– Да не скажет, Алексей Фомич, не скажет он ничего. Ценностью считается профессия, успех, процветание, деньги, статус, престиж и прочая мишура, но только не главное, не сама жизнь, ее великое бесценное течение. Поиск смысла жизни вроде бы и не нужен в условиях рынка. Но это только «вроде бы», а на самом деле он является практичной вещью, это становится понятным лишь тогда, когда человек теряет здоровье. Но беда в том, что и тогда люди не понимают главного. Вместо того, чтобы искать смысл жизни, они ищут в себе силу воли или же помощь со стороны, таблетки или психоаналитика. Это так же бессмысленно, как винить реку за то, что человек в ней утонул.

– Что-то в этом есть, Сергей Владимирович, но неужели сила воли совсем не нужна? Вот я держу сигарету. Как от нее отказаться без усилия, без того, чтобы не подавлять в себе желание закурить?

– Я вам предложу систему, по которой я бросал курить. Меня совершенно не тянет к сигарете уже семь лет, а курил около двадцати лет. Но основа этой системы – то, о чем мы говорим: осознание ценности собственной жизни.

– Откуда вы все это знаете? То есть, так глубоко понимаете?

– Думал над этим. Я тоже несколько раз безуспешно бросал курить, пока не обрел смысл жизни.

Потылицын нахмурился, как бы своим видом подводя итог разговору.

«Скорее всего, он ничего про Слепцова и его злополучный портфель не знает. Хотя, стопроцентно пока не ясно», – подумал Грохов. И, направляя разговор ближе к желаемой теме, добавил:

– Жизнь сегодня оценивают в деньгах. За редким исключением, – при этом открытой ладонью указал на своего почтенного собеседника.

– А вот, навскидку, Сергей Владимирович, скажите, в чем может быть ценность моей жизни?

– Скажу, – без колебаний ответил помощник-консультант. – Вы напишете книгу, а это уже работа для вечности. О чем – мы подумаем, тему найдем. Вы напишете великую книгу, я вам помогу.

– О! – восторженно воскликнул бывший ученый. – Это приемлемо. Я сам об этом подумывал... А все-таки, о чем книга?

– О времени и о себе.

– О, это время такое...

– Какое? Бандитское?

– Да, – грустно кивнул Потылицын. – Именно бандитское. Я сегодня ночью еще раз в этом убедился.

– Как? – удивленно поднял брови преданный помощник-консультант? – Что случилось ночью?

– Да нет... Со мной ничего. Просто кое-что узнал...

– Что именно?

– Ну... Так навскидку не расскажешь, – Потылицын скривился, повертел пальцами двух рук, давая понять, что не хочет дальше продолжать эту тему.

«Вот оно! То, что и нужно было услышать. Ладно, я еще тебя верну к этой теме, чуть позже, как ты говоришь, навскидку», – решил Грохов.

– А как вы думаете, Алексей Фомич, в наше время может быть благородный бандит? Добрый разбойник, как Дубровский или пресловутый Робин Гуд?

– Не знаю. Вряд ли.

– Почему?

– Воспитание не то, общее воспитание. Точнее – атмосфера вокруг нас.

Грохов хотел спросить: «А если человек сам себя воспитывал, долго и жертвенно? Если мучительно искал смысл жизни и в конце концов пришел к благородному бандитизму?» Но не спросил.

Не хотел он углубляться в тему благородного разбойничества, потому что занимался этой «темой» на практике.

Сегодня Вадим перечислит 40 тысяч долларов – пятую часть содержимого портфеля, отобранного у Крепышина, – на операцию годовалой девочке, страдающей билиарной атрезией. Это было давнее правило и обязательное условие его, Сергея Грохова, жизни-игры: после каждой силовой акции, приносящей доход, он пятую часть отдавал на благотворительность. Иначе, если бы он этого не делал, ему пришлось бы признать себя просто бандитом, без каких-либо эпитетов и уточняющих слов – «культурный», «благородный», «добрый», «необычный», «интеллигентный» и т.д. Он не хотел лишать себя таких эпитетов, потому что и вправду «просто бандитом» никогда не был. С давних пор, когда он еще был, как все, когда работать, как всех, жизнь заставляла, когда жил на одну зарплату – он с каждой полочки покупал книги, отдавая за них пятую часть заработанного. Какой бы ни была противной и ненавистной работа, а он знал: частично ее результат станет духовной ценностью.

Нечто подобное было и теперь. Впрочем, противной «бандитскую» работу он никак не мог назвать, ибо выбирал ее сам, а не жизнь заставляла. Такая работа была, наоборот, приятной – по той простой причине, что это была не работа, а игра. Тысячи людей ходят на футбол – посмотреть игру. Десятки болельщиков ходят не просто как болельщики, а как игроки – они делают ставки. И только одиночки создают игру, режиссируют ее. Грохов был из тех одиночек.

До тридцати четырех лет он искал смысл жизни, пока, наконец, не сделал вывод: единственный смысл жизни – это игра; чем она красивее, профессиональнее, тем интереснее жить. И вот уже семь лет он играл. Вкус жизни почувствовал, когда перестал жить как большинство людей, скучно и однообразно, а начал играть в жизнь. «Игра в жизнь – как искусство» – эти слова несколько лет назад стали его кредо, с тех пор он ему не изменял. А чтобы следовать этому кредо, нужно иметь две жизни: публичную, которая для людей, и тайную, которая для себя. Такую двужизненность, если разобраться, ведут все разумные существа на этой планете: одна жизнь для себя и в себе, вторая – на публику и для кого-то. Просто большинство боится осознать ее, а главное – боится жить сообразно данной Всевышним двуликости. Отсюда и многие проблемы человеческие, как во внешней жизни, так и во внутренней, душевной.

Встреча с Потылицыным в Киеве была закономерной. Член Госдумы полагал, что в столице великой России Грохову будет интереснее, чем в столице молодого государства, именуемого Украиной. Сергей тоже так полагал, понимая, что Москва будет интересна ему вовсе не работой с депутатом, а масштабом тех игр, которые он там раскрутит. С украинскими политиками он в свое время наигрался вдоволь. Киев стал ему неинтересен, как неинтересным становится любительский ринг боксеру, побившему двух-трех титулованных профессионалов. А вот Москва представлялась чистой доской, огромной шахматной доской, где можно не только начинать белыми, но и самому выбирать фигуры противников.

Все эти московские месяцы Грохов терпеливо изучал ситуацию и ждал своего часа. В Москве все было новое, и тем интересное. Масштаб предстоящих игр действительно потрясал воображение. Но сначала нужно было досконально разобраться в так называемом политикуме: кто на чем «сидит» – на какой трубе, жидкости или другой субстанции; кто чьи интересы лоббирует – в Кремле, в Думе, в Белом доме, в мэрии; кто кого «крышует» – в высших административных и правоохранительных органах; чьи люди в каких структурах посажены и т. д. Грохов понимал, что это бесконечная работа, и в то же время знал: наступит момент, когда количество перейдет в качество, то есть накопится определенная масса знаний, которая позволит к большой московской игре.

А пока большой игры не было, он играл в малые.

Начал с того, что прослушивал разговоры Потылицына с коллегами. Грохов давно научился подслушивать разговоры, и не только случайные, – прослушка была одной из основ многих его киевских игр. Столь же важным, как умение слышать то, о чем не говорят громко, Сергей считал умение имитировать голоса, которому учился годами.

Таким образом, первым объектом его московских игр стал Виталий Слепцов. Тот был достаточно близким с Потылицыным (хотя и весовая бизнес-категория не та), любил похвастаться перед ним своей особой осведомленностью в мире теневого бизнеса и подковерной политики. Потылицын имел природную способность слушать, а это качество редко встречается среди публичных людей, для которых главное, чтобы их слушали, к тому же, умел хранить секреты.

Грохов давно знал Слепцова как одного из активных лоббистов интересов России в Украине. В частности, он приложил немало усилий для того, чтобы Николаевский глиноземный завод приватизировал «Русал». Не без его участия собственностью русских, братьев Чекиных, стал в том же Николаеве гигант судостроения – Черноморский судостроительный завод, со стапелей которого когда-то сошел единственный в России авианосец «Адмирал Кузнецов». Так что Слепцов был хотя и не олигархом, но фигурой, достойной внимания серьезного игрока.

Из своего бывшего опыта Грохов знал, что такое внимание к таким фигурам рано или поздно окупится, принесет результат, возможно, даже более важный, чем материальное вознаграждение за это специфическое внимание. Более важный результат – это замысел новой захватывающей игры.

И Сергей не ошибся. Да еще как не ошибся! Он снял квартиру на улице Гиляровского, напротив офиса Слепцова, установил за ним наблюдение. Спустя месяц, благодаря этой «наружке», которой занимался Вадим, плюс прослушке, Грохов знал достаточно для того, чтобы начать охоту на Мишу Крепышина с его портфелем. Но вовсе не кошель, набитый «зеленью», стал главным достижением, самым сладким плодом тонкой, внимательной работы со Слепцовым – пачки долларов Грохов воспринимал всего лишь как сопутствующий товар. А основным, вожаемым, бесценным товаром, полученным от депутата Государственной Думы, была уникальная информация.

– Что-то затевается на Украине нехорошее. Чем ближе к президентским выборам, тем больше тревожных моментов, для нас нежелательных, – говорил Слепцов Потылицыну.

– Я думаю, ничего нехорошего для нас мы не допустим. Ты же понимаешь, Большой Пу не позволит, – отвечал Потылицын.

– Большой Пу не знает пока. Это знаю только я. У меня там свои интересы, есть люди в верхах. И они мне докладывают, в том числе обо всех нехороших тенденциях. Так вот, есть подозрения, что в Киеве готовят в президенты нежелательного нам кандидата. Местные паны сами не знают и не понимают, что это может быть опасно. Их «папа» зажрался, вознесся на небеса – ничего не понимает, не чувствует опасности.

– Ну так давайте вернем его на землю, вызовем на ковер, вернем в чувство. А то и впрямь заелся, хохол!..

– Да, это правильно. Я об этом позабочусь...

Грохов еще несколько дней внимательно прислушивался-приглядывался к Слепцову и его контактам в надежде раздобыть дополнительную информацию на эту потрясающую тему. И заодно ждал: прибудет ли в ближайшие неделю-две в Москву президент Украины? А чтобы скрасить ожидание – вплотную занялся портфелем Крепышина.

«Неужели в Киеве действительно запенивается грандиозная игра? Как, без меня?» – думал Грохов, уже почти уверенный в том, что пора собирать чемодан.

Кто же тот будущий кандидат в президенты Украины, о котором говорил Слепцов и который пока не засветился? Слепцов серьезный мужик, и наверняка обладает какой-то конфиденциальной информацией. Конечно, и спецслужбы наверняка эти сведения имеют, но выудить информацию из ФСБ ему пока не по зубам. Другое дело – Киев. Там, в СБУ, у него есть человек. Да и не только в службе безопасности, но и в других ключевых ведомствах Украины имеются осведомители, а в администрации президента целых два. Эту собственную агентурную сеть, без которой никак нельзя, Грохов создавал в течение пяти лет.

Кто может продвигать «нежелательного» для России кандидата в президенты? Либо могущественная финансово-политическая группа внутри страны, либо не менее могущественная сила из-за «бугра». Доскональное знание политической кухни в Украине подсказывало Грохову: если нерасшифрованного пока претендента на президентский пост проталкивает украинская сила, то это либо клан Коренчука, либо клан Щегольского. Эти две группировки в основном уже поделили самые прибыльные сферы экономики страны и самых влиятельных людей, в том числе самого президента. Правда, глава государства (в близком кругу – «папа») считал, что это он управляет олигархами, уравновешивая их влияние, не позволяя ни той, ни другой стороне занять монопольное положение. Конкуренция между ними как раз и заключалась в том, кто «урвет» побольше президентского расположения, а значит, конкретной выгоды. Но это – текущая конкуренция. А главное, стратегическое противостояние сводилось к тому, кто победит на следующих президентских выборах.

Если же за дело взялась заграница, то, как подсказывала элементарная логика, это, конечно же, Штаты. Кто же еще позволит себе двигать антироссийского кандидата?

Вот эти два варианта и стоило бы проработать. С одной стороны, изучить тонкости украинско-американских отношений, дабы вычислить возможных покровителей неизвестного пока претендента на украинскую булаву. С другой – затеять большую игру с главарями двух крупнейших кланов, самыми страшными людьми Украины, в расчете на то, что они проявят свои президентские амбиции, как говорится, конкретно.

Как только президент Украины прилетел в Москву для встречи «без галстуков», Грохов понял, что в столице России его уже ничто не удержит. Она вдруг стала намного меньше, чем столица Украины – с точки зрения большой игры. Грохов просто соскучился по настоящей игре.

Тем более, он давно не видел свою восьмилетнюю дочь...

Да, он может ее увидеть, но она его – никогда! Он запретил себе показываться Оксанке на глаза до конца своей жизни. Что ей расскажет мама Юля про отца, кто он и куда бесследно пропал – это мамино дело. Его игры требовали, чтобы у него не было детей и чтобы у нее, Оксанки, не было отца. Однако это вовсе не значило, что он отказался от дочери. Она была под присмотром. За ней следили другие глаза – прекрасные, милые, родные глаза.

Они тоже давно звали его в Киев. Женщина, самая преданная из всех, которые были в его жизни, нуждалась хотя бы иногда в каком-то прикосновении.

3

Она ждала ребенка. Ждала, ждала, но так и не дождалась. Несмотря на всю бездонно-распахнутую близость – даже «немножко», как она говорила Сергею, забеременеть не получилось.

Весна, их пятая весна, в начале апреля споткнулась и упала абрикосово-цветущим лицом в снежно-бурую грязь. Тогда он и уехал, впервые надолго исчез, как исчезает долгожданное апрельское солнце за плотным облаком. Хотя – оно не исчезает, ты знаешь: пролетит время, как облако, и большое красивое светило снова появится, ослепит и согреет.

Вся пятилетняя история их отношений была большой и красивой. Потому, наверное, что когда они встретились, ей, Оле (теперь уже Ольге Дмитриевне, учительнице киевской гимназии №127) было немножко за двадцать, а ему около (на вид) тридцати. Он умел любить по опыту, она – по природе. Он все эти годы называл ее Оленькой, и это всегда звучало искренне, – иногда, правда, «княгиней Ольгой», а еще: «моя княгиня».

Познакомились они тоже красиво, нестандартно.

Студенткой – она училась на филфаке КГУ (который и Грохов, оказывается, когда-то закончил) – устроилась на время парламентских выборов подработать в штаб Теневского, тот взял ее секретаршей. Депутат и кандидат в депутаты Верховной Рады Василий Теневский любил красивых девушек – правда, в последнее время не так активно, как раньше. Потому что несколько месяцев назад одну из молоденьких-красивеньких долюбил до того, что она вышла за него замуж, заменив собой устаревшую жену.

В штабе поговаривали, что Теневский давно завидовал коллеге по парламенту Роману Паукшенко. Они были одного возраста и, фактически, одной биографии: оба из комсомольских активистов ушли в бизнес, из бизнеса – в политику. Вася пытался ни в чем не отставать (по крайней мере, сильно не отставать) от удачливого Ромы – ни в оборотах капитала, ни в политических связях, ни даже в личной жизни. Конечно, его кипучее неравнодушие к хорошеньким девушкам было самоценно, не зависимо от всяких «пауков». Но когда Паукшенко развелся с женой и женился на смазливой студентке, Теневский сделал то же самое. Поэтому пока в других, даже очень молоденьких и смазливеньких, не нуждался. Однако, по привычке, к работе привлекал.

При первой встрече с Олей Грохов как бы между прочим заметил, глядя своими выразительно-светлыми глазами в ее притягательно-карие:

– Да, я знал, что Теневский берет на работу только красивых девушек. Но я не знал, что среди них могут быть **НАСТОЛЬКО** красивые!

Она улыбнулась от смущения и удовольствия – ведь это не кто-нибудь сделал ей комплимент, а самый популярный в этом офисе (да только ли в этом?) человек. Потом, в течение двух месяцев они знали друг друга так, как знают в любом напряженно работающем коллективе, – в основном замечают лишь деловые качества. Тем более, работы с каждым днем становилось больше, предвыборная карусель набирала обороты, и Грохов, главный идеолог, руководивший всей стратегией избирательной кампании, почти не отвлекался на нерабочие разговоры. По крайней мере, таких разговоров она от него не слышала – зато слышала и видела другое: вся команда Теневского уважала его больше, чем самого Теневского.

И вот однажды, накануне Нового года, когда, хочешь не хочешь, а предпраздничное настроение в той или иной степени расслабляет всех, к ней забежали две студентки-подруги, которые тоже работали в штабе, «обрабатывали» избирателей телефонными звонками. Когда зашел Грохов, они планировали, где будут встречать Новый год.

Она потом и сама удивлялась, как осмелилась задать такой вопрос, но спросила:

– А вы, Сергей Владимирович, где будете встречать Новый год?

В ответ он посмотрел на нее так, как смотрит мужчина на свою будущую любовницу.

– Вопрос интересный, – открыл дверь в свой кабинет и жестом пригласил ее зайти. Она переглянула с подругами и переступила порог.

Он закрыл дверь, подошел к ней почти вплотную.

– Я думаю, важно не где, а с кем – ты это хотела спросить? – И пока она думала, что ответить, он продолжил: – Сказать честно? Я тебе скажу. Только тебе одной, Оленька, я скажу честно. Сказать?

– Ну, раз уже заинтриговали...

– Я буду встречать Новый год у себя дома с тобой. – И, не дав ей даже брови вскинуть от удивления, добавил: – Но с одним условием! – поднял вверх указательный палец. – Мы будем с тобой вдвоем, только вдвоем. Конечно, за полночь можно будет выйти на улицу, покричать-подурачиться вместе с народом, но встречать Новый год – только вдвоем!

– Вот как вы решили! Без меня? А если я не соглашусь? – пошла она в наступление.

– А если не согласишься, тогда считай, что это была шутка. Глупая.

Она почувствовала, что ее наступательный пыл мгновенно угас, и честно сказала то, что пришло на ум:

– Я уж подумала, Вы серьезно. А оказывается, это шутка?

– Нет, пока ничего не оказывается. Я даю тебе возможность решить, именно тебе! самой! решить, шутка это или нет.

И она решила – думала целый день и полночи. Хотя и без раздумий знала, что такое бывает раз в жизни – встретить мужчину, о котором мечтала с четырнадцати лет. И такую встречу превратить в шутку? Она же не безумная.

Впрочем, именно безумием можно было назвать все эти пять лет...

А та неделя, которая оставалась до Нового года после того, как она сказала: «Да. Это не шутка», – была неповторимой. Такая подготовка к празднику и впрямь напоминала новогоднее чудо – ведь впереди было действительно «новое счастье». Если и может быть что-то реальное и конкретное в тривиальном поздравлении «с Новым годом, с новым счастьем», то это именно то, чего ждала она.

Когда в десять вечера она зашла в его квартиру, и он снял с нее пальто (сам расстегнул пуговицы!), она поняла, что с этой минуты – вся в его власти, он сделает с ней все, что захочет. Но даже намек на испуг не было. Наоборот, она почувствовала, что это и есть то счастье, к которому она была готова.

Потом пили шампанское – естественно, не под бой курантов, потому что до них было еще далеко – целое море счастья, которое ей предстояло переплыть. И... не на берег выйти, а влиться в океан – безбрежный океан счастливого безрассудства. Так ей казалось, когда они выключили свет, и на маленькой настольной елочке замигали разноцветные огоньки.

А потом она увидела его раздетым. Конечно, сначала до пояса. Но и этого было достаточно, чтобы окончательно потерять голову. Единственная мысль была – прижаться к его телу, прилипнуть, погрузиться в него всей своей юной плотью. Такого мужского тела она вблизи никогда не видела. Раньше считала, что спортивная фигура – это хорошо для мужчины, и не более. Ее никогда особо не привлекали тяжелоатлеты, всякие культуристы, бодибилдеры и прочие «качки». Но теперь у нее отобрало речь. Сергей Грохов отличался прежде всего умом, нестандартным, своеобразным, могучим и т.д. Ну, и лицом, конечно. Но она никогда не думала, что он еще и обладатель такого тела. Плечи, грудь, бицепсы, кубики пресса – являли собой произведение искусства, словно сам Создатель, имея где-то в запредельных высях музеев своих лучших творений, взял из него один из редких экземпляров и отправил на землю. И именно сейчас, за пару часов до Нового года, и именно сюда, в эту небольшую, уютную двухкомнатную квартиру, где волею того же Создателя оказалась она, обыкновенная студентка.

Он не был классическим «качком» – ни одна мышца не выпирала, не казалась больше, чем требовалось для гармонии. Но ей мнилось: прикоснись – и каждый квадратик его тела выиграет, отзовется. Она не удержалась и первой прикоснулась к нему – положила ладонь на его грудь...

– Сколько тебе лет?.. – только и смогла спросить.

Но ответа не требовалось, его тело было сногшибательно молодым – и все (она пока не знала, что этому телу уже под сорок). Она и впрямь еле стояла на ногах, которые ослабли, как и руки, спина – но это была приятная слабость, словно она только что по шею погрузилась в теплую ванну.

Дальше произошло то, чего она не могла вспомнить конкретно, потому что это было полное выключение из реальности, мгновенный перелет в сказку. Сначала, как только он обнял ее за обнаженную спину, она, как и хотела, вся погрузилась в него. Но через несколько мгновений поняла (это было последнее, что она поняла) – не он ее, а она его обнимает, впитывает в себя. Огромное теплое море, в которое она вошла, вдруг сжалось до размеров осязаемого, трепещущего сгустка пьянящего тепла, которое можно обхватить – руками, ногами, губами, каждым своим сочленением, вобрать в себя. Она почувствовала, как тепло вливается в живот, в грудь, в ноги, тело становится легким, невесомым, поднимается и взлетает туда, куда еще раньше улетела ее душа – в какие-то межзвездные миры, где нет земных креплений, ни физических, ни моральных...

В реальность вернул их будильник мобильного телефона, который Сергей предусмотрительно установил на без десяти двенадцать, и они вспомнили, что надо бы все-таки встретить по-человечески Новый год. Быстро встали с кровати. Он вскочил в спортивные брюки, хотел надеть рубашку «для торжественного момента», но она сказала:

– Не надо. Ты и так выглядишь торжественно.

– Да, Оленька, ты права, – понял он ее. Обнял, поцеловал в шею ниже уха, и добавил: – Я думаю, самый торжественный момент был у нас только что. Ты согласна?

– Да, конечно... – прошептала она. – Разве я могу быть с тобой не согласна?

Она называла его на «ты» теперь уже по праву. Никакая выпивка «на брудершафт», что они сделали час назад, не могла ей позволить чувствовать себя равной с ним. Такое право давала только постель, точнее – тот полет, который она пережила. Там, на неземных широтах, если только туда попадаешь, – все равны.

Потом, около четырех утра, когда они вспомнили, что постель бывает нужна еще и для сна, – она таки спросила:

– А как ты поддерживаешь форму? – и погладила его по теперь уже любимому животу.

– Никак. Ты же видишь, времени нет за этой бешеной работой.

– Ну, а раньше в тренажерный зал ходил?

– Нет, Оленька.

– Ну, хоть зарядку делаешь?

– Чуть-чуть...

За пять лет Оля не то что не узнала, но даже не догадывалась, чем он занимается. Конечно, будучи умной женщиной, к тому же, любящей, она чувствовала, что что-то здесь не то. Сергей Грохов просто-напросто не использует свой потенциал (кому как не ей это видеть). Он мог бы быть кем угодно – депутатом, министром, президентом, если не страны, то крупной компании, – но он был скромным помощником депутата и к более высокому положению не стремился. Почему? Вот и в Москву поехал на такую же работу – поменял шило на мыло...

Она несколько раз пыталась заговорить с ним об этом – каким он видит свое будущее, что собирается делать, к чему стремится – но Сергей отвечал очень туманными, загадочными фразами, например:

– У каждого, Оленька, свой путь, своя миссия на земле. Она часто невидима, непонятна людям, ведь не они ее определяют...

Не знала она и его прошлого. На этот вопрос он тоже отвечал замысловато-философски. Одну фразу по поводу его биографии она запомнила на всю жизнь:

– Самым лучшим, что есть во мне, я обязан самому худшему, что было со мной.

В конце концов, она рассудила: Сергей, несомненно, еще чем-то занимается, непонятым ей, действительно, невидимым. Что это может быть за занятие? И она сделала для себя вывод: он – тайный агент. Чей агент – СБУ, ФСБ, ЦРУ или совсем засекреченной спецслужбы – это уже не ее дело. Он агент – и все. Единственное, что она могла к этому добавить, это – «важный» агент. Ибо с его талантами он мог выполнять только большую «миссию». Вот и отъезд в Москву подтверждает такую версию.

Как только она этот вывод сделала, все вопросы к нему насчет дальнейшей перспективы прекратились. Да и зачем ей это?

Ей бы просто чаще его видеть – и больше ничего не надо. Они встречались раз-два в неделю, правда, бывало, что и в течение месяца она его не видела. Хотя, было обязательство, которое он взял на себя и которого за пять лет ни разу не нарушил – раз в год, в августе, он возил ее на море. Однажды даже в «Дюльбере» отдыхали, что под Ялтой – неизвестно, как ему удалось туда вселиться, ведь это парламентский санаторий, там отдыхали только депутаты с семьями.

Последний раз они были вместе на море всего неделю. Соленый привкус расставания остался надолго, потому что оттуда, из Симферополя, он первый раз надолго улетел не в Киев, а в далекую Москву.

И вот вчера позвонил: «Я возвращаюсь...» Что значит, возвращаюсь? Если едет на одну короткую встречу с ней – это не возвращение. Значит, в Киев возвращается? То есть, свиданий будет много? Они будут частыми?.. Впрочем, таких вопросов она ему не задавала, а только ждала. Причем, как это ни странно, каждой новой встречи ждала так же, как и первой пять лет назад – немножко с волнением и ожиданием сюрприза. Так ждет ребенок своего дня рождения, не зная, что ему подарят, но предвкушая, что в этот день сбудутся его заветные желания, кроме того, будет еще что-то вкусненькое...

Они обнялись так, как только они, им казалось, умели обнимать друг друга. С одной стороны, сквозь одежду чувствовали все, что должны чувствовать мужчина и женщина при объятиях, с другой – застыли в сближающем молчании на целую минуту. В течение этой минуты их души, тоже обнимаясь, превращались в единую духовную сущность, которая поднимала их над пошлой жизненной суетой, возносила ввысь – а дальше все, что с ними происходило, даже самое что ни есть плотское, происходило на той высоте. И не нужно было ничего говорить, потому что если что-то говорить, то такое состояние пришлось бы выразить словом «любовь» – истрепанным, опошленным, опущенным до уровня глупенькой современной песенки. Конечно, он знал избитую истину, что женщина любит ушами. И она знала, что получит от него такой поток красивых слов, который редкие женские уши слышат. Но это будет потом, когда нужно говорить шепотом, и в самые-самые уши, касаясь их губами, когда нужно говорить не только словами, а телами. Тогда она все услышит, о чем только мечтает слышать женщина, которая заслужила настоящую любовь, – заслужила долгим терпением и жертвенным ожиданием.

Но первые мгновения встречи должны быть сродни мгновениям вечности, в которой, как известно, царствует тишина. Они знали, что это минутное молчание скажет друг другу больше,

чем тысячи самых красивых слов. А после такой минуты и разговор будет на определенной тональности.

– Что новенького, Оленька?

– У кого, Сереженька?

– У тебя.

– Ты, наверное, хотел спросить...

– Нет. Я хотел спросить, как дела у тебя.

– Не надо, Сережа. Я знаю, что я тебе тоже интересна. Но ты хотел спросить сначала об Оксанке, так ведь?

Грохов опустил голову, потом поднял, прямо посмотрел в ее бесхитростные глаза (он знал, что бесхитростные женские глаза – это редкость). Они сверкали, как ночные дождевики на листьях под утренним солнцем.

– Да, Оленька, ты права. Как себя чувствует Оксанка?..

4

До отправления поезда «Киев-Варшава» оставалось десять минут. Вацлава Крышановского, невысокого блондина средних лет, провожали двое мощных помощников (по документам, а по функциям – телохранителей) депутата Верховной Рады Украины Романа Паукшенко.

– Подождите пять минут, и можете заходить, – прогудел один из охранников, с расправленной пиджак бизоной спиной, и скрылся в вагоне.

Постороннему рыжеволосому человеку, тоже не хилой наружности, прохаживающемуся по перрону, через окно было видно, как телохранитель профессионально обшаривал глазами и руками купе. Двумя пальцами приподнял треугольно уложенную подушку, словно чебурек с жирного противня, ознакомительно-брезгливо похлопал тяжелой ладонью по матрасу, как хлопает по мягким местам купленную на время дешевую женщину. Не выходя из купе, дождался своего коллегу и уезжающего польского гостя. Сопровождающие покинули вагон в последний момент, когда поезд уже тронулся.

– Ты понял? Вип-персона нашлась. Пх!.. – фыркнул бизоноподобный, провожая глазами медленно уползающий поезд.

– Для «Паука», наверное, важная птица, – развел руками напарник.

– Да в том-то и дело, что в сравнении с нашим «Пауком», этот европеоид – букашка, – резюмировал помощник Паукшенко.

Поезд еще не выехал за черту города, как в двухместный люкс, в котором разместился один поляк, постучали. Крышановский как раз переоделся в апельсиновую футболку и спортивные брюки. Поиграл спортивной грудью перед зеркалом и лишь затем открыл дверь. На пороге купе стоял стройный рыжеволосый мужчина, с усиками, в утмененных, под стать волосам, оранжевого оттенка очках. Одет он был неприметно – джинсы, темно-серый джемпер и легкая светло-серая куртка.

– Кофе или чай? – весело спросил незнакомец, слегка улыбаясь.

– Что?.. Кто вы? Не понимаю! – то ли возмущаясь неожиданным визитом, то ли принимая шутку, легко воскликнул хозяин люкса почти без акцента.

– Понял, – закрыв за собой дверь, произнес неожиданный гость. – Желаете покрепче. – И вдруг, без малейшего размаху, с висячей руки ударил поляка в челюсть.

Удар был настолько резкий, что больше бить не пришлось. Крышановский упал на сиденье, распластав руки, как падают в конце сентября на асфальт созревшие киевские каштаны, раскрывая от удара кожуру. Незнакомец быстро достал из внутреннего кармана куртки шприц...

В тот момент, когда за рыжеволосым закрылась дверь в купе, возле него остановился подошедший с другой стороны вагона черноволосый мужчина в темных солнцезащитных очках. Глядя в окно, он безмятежно провожал взглядом из-под очков Киев. Поезд проезжал Борщаговку – безликие панельные девятиэтажки советской эпохи сменились бесконечными гаражами, разрисованными граффити.

Минут через семь рыжий вышел из купе. Он направился в одну сторону, черный – в другую, оба быстро покинули вагон. Еще минуты через три поезд резко затормозил – кто-то рванул стоп-кран – и замер на одной из пригородных станций, фактически еще в Киеве.

Когда состав тронется, проводницы из двух разных вагонов, которые взяли за сто долларов «до Ровного» очень просившихся мужчин (одна – симпатичного рыжего, вторая – привлекательного брюнета), попытаются их найти, проверяя купе и тамбуры, но поиски ни к чему не приведут. Что ж, разные чудачки встречаются в поездах. Но главное в данном случае не

исчезнувшие фальшивые пассажиры, а наличествующие стодолларовые купюры – настоящие, не фальшивые...

«Рыжий» не спешил становиться русоволосым, «брюнет» не спешил становиться шатеном. Они стали такими только тогда, когда, добравшись по отдельности на такси до Пушкинского парка, войдя в него, вдали от посторонних глаз сняли парики, очки и усы. Там и встретились.

– Ну, как клиент? – спросил Вадим, бывший пять минут назад «брюнетом», обнажив из-под очков выгоревшие под южным солнцем прямые ровные брови и глаза цвета летней морской волны. – Раскололся?

– Еще бы! – лаконично ответил Сергей.

– Жить будет?

– Куда же он денется! Обязан жить. И нам помогать.

– Ну и? Проясняется что-то?

– Ситуация очень занимательная, хотя до полной ясности еще далеко. Правильно в Москве говорили, здесь начинается что-то небывалое. Но! Москва даже не подозревает, насколько все интересно... – последнюю фразу Сергей произнес уже не деловым, а философски-задумчивым тоном.

«Так вот какие сюрпризы преподносит родной Киев, – думал Сергей Грохов, прохаживаясь уже в другом киевском парке, своем любимом Голосеевском, где ему всегда хорошо думалось. – Выходит, Москва на нынешнем этапе – провинция? Выходит, так. Если в Киеве можно развернуть игру более интересную, более масштабную, чем в Москве, значит, мое место здесь...»

Два месяца Грохов скрупулезно отмечал и изучал все контакты украинских политиков с американскими. Кто из американцев приезжает в Украину? С кем встречается? Не только официально, а главное, какие непротокольные контакты имеют заокеанские визитеры? Какие силы они представляют в США? Кто из этих людей приезжает второй, третий раз? Так, ища ответы на эти вопросы, Грохов вышел на поляка Крышановского. И тот много интересенького порассказал...

«Большой Крендель» вызывает!» – такой лаконичный приказ получил народный депутат Украины Роман Паукшенко в полуночный час.

Он как раз собирался погасить свет в своем пахнущем кожаном-паркетным запахом большом кабинете и направиться в спальню. Всего пару месяцев назад он вселился в отремонтированную по всем евроканонам, как принято было называть, двухуровневую квартиру в доме на улице Грушевского, окна которой выходили прямо к парламентскому зданию с куполом, к Мариинскому дворцу и открывали взору днепровские дали. Эта квартира говорила о многом – в ней сошлись и уже взятые рубежи, о которых могли только мечтать партнеры по парламенту, и грандиозные перспективы, которые открывались перед 38-летним бизнесменом-политиком.

Пока достраивается загородный дом – почти копия американского Белого Дома, лишь немножко уменьшенная – он пока поживет здесь.

В этой квартире было все, чтобы, переночевав в ней, утром чувствовать себя настоящим человеком, – в том числе и молодая красивая жена. В полночь, по установленному расписанию, Роман Михайлович заканчивал дела, шел в ванную, слепящую модным акриловым блеском, и после всех предпостельных процедур некоторое время смотрелся в зеркало. Он видел: темные, чуть выющиеся, красиво лежащие волосы, высокий лоб, зеленоватого оттенка умные глаза, прямой, с легкой горбинкой античный нос, полное лицо, но не одутловатое, а пластичное, полное тело, но не как у толстяка, а как у бывшего спортсмена, мастера спорта по классической

борьбе. Не очень ему нравилась густая черная растительность на груди, но на то он и мужчина. Показав своему отражению кулак с поднятым большим пальцем, означавшим «все о'кей», он шел в спальню, будил жену и дарил ей оставшуюся, нерастраченную за день энергию.

Понятно, что на этот раз до жены он не дошел – энергия требовалась для неурочной работы.

Была середина июля. В то время, когда политики готовились к полуторамесячным парламентским каникулам, чтобы, заслуженно отдохнув, с новыми силами в новом политическом сезоне возобновить вечную и бескомпромиссную борьбу за права народа, – по телевизору прозвучала небезынтересная для некоторых из них информация.

Вечером «Киевский канал» передал, что в тюремной больнице покончил с собой киллер №1 Костюченко, на счету которого 18 заказных убийств. Скончался он якобы от «психотропных веществ». И в той же Лукьяновской тюрьме взрезал вены другой киллер – кто он и сколько совершил убийств, не сообщалось. В этом же сюжете администрация столичного СИЗО проинформировала, что «количество суицида», благодаря профилактической работе тюремных психологов, резко уменьшилось: всего 19 случаев в сравнении с 27 за аналогичный период прошлого года.

Это сообщение Роман Паукшенко слышал. Но он не думал, что экстренный вызов к боссу связан с данным новостным сюжетом непосредственно.

Когда он приехал в клуб «Панама» – одну из неофициальных резиденций Ивана Коренчука по прозвищу «Большой Крендель», депутата Верховной Рады, руководителя крупной парламентской фракции, главаря мощнейшей политико-криминальной группировки, – шефа не было. Пришлось около часа мучиться догадками, что же стряслось. Еще и помощник-секретарь босса Валера, обычно болтливый, как в рот воды набрал. Когда он напускал на себя маску высшей политической серьезности, треугольниками морща узкий лоб, его лицо становилось похожим на дорожный знак «Сужение дороги с обеих сторон». Роман, будучи ближайшим советником Коренчука, понимал, что этот верзила, привыкший выставлять из-под пиджака напоказ свою «пушку» (все знали, что пистолет газовый), не владеет никакой информацией. Но его тупое, показательное молчание говорило о том, что отсутствующий хозяин не обещал ничего приятного.

Около двух часов босс прибыл.

– Пошли, – буркнул зловеще, с силой рванул дверь кабинета. – Никого не пускать! – бросил секретарю, тот, вытянувшись, застыл, как робот перед своим конструктором, хлопнула дверь.

Не успел помощник расслабиться, как двери вновь распахнулись:

– Собрать всех! – крикнул Коренчук. – Всех! – оскалился и добавил: – Скажи: «Большой Крендель» вызывает!

Когда Иван Павлович называл себя по прозвищу, что случалось крайне редко, это означало, что у всей подчиненной братии будут серьезные проблемы.

– Ты понимаешь, «Щегол», сука... – наливая в две рюмки коньяк «Hennessy», начал хозяин «Панамы» и тут же себя остановил. – Подожди. Давай... – указал рукой на питье, присел прямо на стол.

Паукшенко поднялся. Он уже понял: возник новый конфликт с Евгением Щегольским – предводителем другой, конкурирующей за высшую власть в стране ФПГ (финансово-политической группы), которую с таким же успехом можно было бы назвать ОПГ (организованной преступной группировкой).

Выпили молча, как на похоронах. Действительно, понял Роман, они только что похоронили... спокойствие. Он не знал, что случилось, но чувствовал: того равновесия, которое было достигнуто в таких многотрудных переговорах со «Щеглом», того относительного спо-

койствия, которое позволяло им успешно делать бизнес и продвигаться к высотам власти, – больше нет.

Коренчук словно читал его мысли:

– Я ни хрена не понимаю. Только что разговор был, на нейтральной территории, тет-а-тет...

И опять замолчал, уставившись в пустую рюмку. Роман, понимая, что сейчас его роль советника как никогда важна (что могло быть важнее угроз, исходящих от главного конкурента!) взял бутылку, налил по второму разу. Подчеркнуто спокойно спросил:

– О чем разговор, Иван Павлович?

Тот взял рюмку, отошел от стола, опустил свое большое тело в диванную мягкость.

– Садись, – указал на место рядом. Заглотнул коньяк, дождался легкой отрыжки. – Дай закурить.

– У меня... нет. Вы же бросили, Иван Павлович...

Хозяин кабинета поднял глаза и посмотрел прямо на своего младшего соратника. Это были кирпично-отталкивающие, светло-коричневого цвета глаза. Телеэкран, как давно заметил Роман, неприятной ржавчины во взгляде не фиксировал, по телевизору лицо Коренчука, когда его показывали крупным планом, было вполне фотогеничным, даже симпатичным, глаза его не портили. Но вблизи эти два кружочка цвета полусозревшего помидора выражали, с одной стороны, холодное равнодушие к собеседнику, с другой – какое-то затаенно-паучье намерение. Глаза шефа напоминали Роману именно двух пауков, несмотря на то, что такое сравнение сразу вызывало связь с его собственной фамилией. А еще у Коренчука была мягкая рука. В прямом смысле слова. Это вначале удивляло Романа, ведь «Большого Кренделя» все считали очень волевым, решительным, негибачаемым и т.д. – одним словом, крутым во всех отношениях мужиком, а мягкое рукопожатие сразу размывало такой образ. Потом Паукшенко решил: никому об этом своем открытии не говорить, ведь главное – чтобы народ этого не знал, которому нужна во власти «сильная рука». В понятие «народ», по убеждениям Романа Михайловича, входило и большинство так называемой политической и деловой элиты страны, которое, по правде, ничего не решает, а годится только для того, чтобы его в нужный момент использовать.

– Закурить! – повысил голос босс, уставившись на младшего коллегу кирпичным взглядом.

Глубоко вздохнув, Паукшенко достал из кармана пачку «Marlboro», принес с тумбочки давно пустую пепельницу, поставил на журнальный столик.

– Спокойствие, главное спокойствие, – выпустил дым изо рта, словно проникший в него злой дух Щегольского, сам себя предупредил Иван Павлович. – Давай думать. Значит так: вечером, где-то в половине девятого, «Щеглу» кто-то позвонил. На мобилу. И сказал всего несколько слов, коротко, но разборчиво: «Поздравляем, вам ценный подарок, возьмите в почтовом ящике на Рейтарской». Это дословно, «Щегол» клянется. Он как раз был у себя в квартире, в охраняемом доме, ты понял – охраняемом! – на Рейтарской, ты знаешь, где он живет. Его человек спустился, вскрыл конверт, проверил на вшивость, нет ли там порошка, читать, конечно, не стал, принес пахану. А там, в компьютерной распечатке, слушай внимательно, самое интересное...

– Я слушаю... – подался вперед Роман.

– В письме говорилось, что два киллера, которые сидят на Лукьяновке, признались, что это он, «Щегол», заказал Омельчука из налоговой, ты помнишь, и нардепа Вишняченко. И главное – эти признания киллеров записаны на видео. Теперь слушай, цепочка какая: это было в полдевятого. А в девять впервые сообщили, что эти киллеры мертвы, вроде бы, покончили с собой. Самое интересное, что этот звонок «Щеглу» был сделан из мобилы, которую позавчера украли в нашем партийном офисе у одного нашего человека. Догоняешь? Получается,

что это мы убрали киллеров и теперь показаниями, записанными на видео, будем его шантажировать. Он мне прислал эсемэску: «Поздравляю. Надеюсь, поделишься новыми видеопленками». Пришлось встретиться. Я доказывал, что никакого видео нет, мы тут ни при чем, что это подстава, но «Щегол» не поверил... Что делать? Давай, думай, ты у нас умный! Что это вообще за фигня?

Паукшенко закурил.

– Я думаю, пока ничего не делать. Допустим, у нас есть такие записи. Пока мы их не пустим в дело, «Щегол» тоже ничего не будет предпринимать...

– Да? Ты уверен? И те, кто это заварили, тоже ничего не будут предпринимать? Зачем же они тогда замутили, ты, грамотей? Кто это мог сделать? Вот над чем думать надо!

– Я думаю, что кроме людей «папы», на такое никто не осмелился бы. Или, второй вариант, это сам «Щегол».

– «Щегол»? Да он на такие комбинации не способен.

– Он-то не способен, а его люди... Я слышал, он нанял целую бригаду новых политтехнологов из Москвы.

– Значит так: эту версию проверь. Как хочешь. Вычисли этих москвичей, самого главного, прижми его, в общем, ты знаешь, как...

– «Кистеня» можно привлечь?

– Нет. Ты знаешь его методы. Здесь нужна аккуратность. «Кистень» – крайний вариант. Но... Я чувствую, это не «Щегол». Неужели «папа» затеял с нами такую игру? На хрена ему это?

– Спровоцировать войну со «Щеглом». Я не вижу другого объяснения.

– Зачем?

– Мы не знаем, что ему взбрело в голову, но...

– Зачем? – визгливо крикнул Коренчук, явно теряя самообладание. – Чтобы мы перебили друг друга?

– Может, его пугает ваш прямой путь к премьерству. Он пообещал вам, потом подумал и испугался. Это в его духе...

– То есть? Через несколько месяцев я становлюсь премьер-министром, но без команды. Без поддержки своих людей. Потому что их к тому времени уже не будет? И я стану пешкой в его руках. Потом он назначит преемника, меня-то бояться не будет... И не видать мне президентства, а тебе премьерства. А кто станет преемником? Не «Щегол» ли?

– Иван Павлович, это самый черный вариант. Я думаю, что если даже та голова, – Паукшенко указал пальцем в высокий потолок, – такое задумала, у нее не получится. Мы отработаем все варианты. Главное, сейчас не показывать, что мы испугались, не суетиться, никак не проявлять нашей... – Роман хотел сказать «тревоги», но нашел слово: – настороженности.

– Все. На Банковой, вокруг «папы», всех наших людей задействуй, пусть копают. Отработай оба варианта. А третьего никакого нет?

– Надо подумать, Иван Павлович. Надо подумать...

Думать людям Коренчука долго не пришлось. Потому что пришлось действовать, отвечать на удар. Пропал вдруг помощник-консультант нардепа Паукшенко. Да не просто пропал – однокомнатная квартира на Оболони, которую ему купил Роман Михайлович за особые заслуги перед командой Коренчука, была перевернута вверх дном, ее хозяин исчез. Погром был обнаружен на второй день после того, как помощник не появился и не отвечал на звонки, самого помощника не обнаружили ни на второй, ни на третий день. На четвертый Коренчук, по просьбе Паукшенко, собрал экстренное совещание ближайшего круга, на котором присутствовал «Кистень», крупнейший в Киеве криминальный авторитет. И был сделан однозначный вывод: исчезновение их человека – дело рук Щегольского. Его почерк.

Пропажа помощника была не просто пропажа, а большая потеря – и для Романа Михайловича, и особенно для Ивана Павловича, который испытывал от этого мучительную, на грани панической, досаду.

Без вести пропавший 35-летний Валентин Нестеренко сам по себе никакой особой ценности для команды Коренчука не представлял. Если бы это был просто помощник депутата – нечего было бы убиваться: просто помощников можно найти миллион, только свистни, к тому же, такую жертву в такого масштаба войне (с самим «Щеглом»!) даже жертвой считать не стоило бы. А ценность Нестеренко была в том, что он имел особые заслуги лично перед Коренчуком, за что и получил квартиру.

Однажды, побывав на своей родине, где-то в Черкасской области, он привез целительное средство – настоящий на водке болиголов. По-другому – цикута, трава, которая являлась ядом и которой, напомнил Нестеренко, отравили Сократа. Уже одно упоминание о легендарном мудреце навострило слух Паукшенко – он сам мечтал войти в историю (понятно, без помощи яда). Но главное было в другом: оказывается, как утверждал помощник-консультант, если употреблять настойку болиголова в определенных дозах, она способна не только укрепить иммунитет (никакой грипп не страшен), но и ощутимо (ощутимо!) повысить половую потенцию мужчины. Для этого нужно пройти сеанс – начать с определенной дозы, за которую Нестеренко ручается, ибо проверил на себе, ежедневно наращивать по капле этого зелья и, доведя опять же до определенного количества, снова по дням-каплям вернуться к исходной норме. Роман Михайлович сразу загорелся – ведь у него молодая жена, да и еще, несомненно, будут женщины, не менее юные и привлекательные. Правда, он не любил рисковать ни в бизнесе, ни в политике, а тем более – в такой тонкой сфере как здоровье, поэтому, во-первых, проконсультировался у нескольких врачей, можно ли такую штуку потреблять в принципе. Во-вторых – он, на всякий случай, пил эти капли вместе с Нестеренко, из одной бутылочки. И пройдя сеанс, действительно почувствовал прилив сил, в том числе и мужских.

А зримый показатель воздействия этого средства на организм был простым (о нем сразу рассказал Нестеренко): сами по себе отпадают бородавки и папилломы. Паукшенко знал, что Коренчук от них очень страдает – под мышками и даже на шее у него этой гадости хватает, причем с годами появляется все больше. Роман в течение трех лет знакомства с Иваном Павловичем замечал, как папилломы на нижней части его шеи, словно самостоятельные живые существа, выползают наружу, точно черви из земли после дождя. Больше всего в жизни Иван Павлович боялся, что непонятная болезнь приведет (медики такого результата не исключали) к раку половых органов.

Роман Михайлович предложил шефу пролечиться чудодейственной настойкой. Тому ничего не оставалось, как принять предложение. И произошло чудо – папилломы стали отпадать. Коренчук, благодаря Нестеренко, прошел уже два сеанса. И вот поставщик спасительного вещества исчез. Разве мог Иван Павлович простить такое Щегольскому? Тот, конечно, о целительной роли помощника-консультанта ничего не знал. Но если бы знал и хотел нанести Ивану Павловичу удар в самое больное место – сделал бы то, что сделал: убрал бы Нестеренко...

Сначала решили действовать по понятиям – начать с предьявы. Однако Щегольский на встрече с Коренчуком все предьявленное отверг, более того, сделал вид, что ни о каком погроме, а тем более, похищении человека даже не слышал. Вдобавок еще и грозно предупредил, что если ему будут шить чужие дела, он тоже сложа руки сидеть не будет.

5

На самом деле Евгений Щегольский принял игру, навязанную, по его мнению, «Кренделем». Не очень-то он верил в существование каких-то записей, хотя убедился, что киллеры действительно были умерщвлены в тюрьме, и решил даже провести там собственное расследование – как это произошло и при каких обстоятельствах. Да дело даже не в записях, а в той наглости, с которой «Крендель» на него наехал. С каких хренов?

Однако Щегольский, у которого в кармане было чуть ли не полстраны, который имел реальное влияние на «папу», более того, сам претендовал на президентское кресло, впервые за последние годы по-настоящему испугался. К убийству Вишняченко он, конечно, не имеет прямого отношения, там железное алиби. А вот с замом председателя налоговой администрации Омельчуком получилось грубовато... Но тогда момент был такой – времени в обрез, а тот стоял на дороге, как идол каменный, идол неподкупности. Что было делать? Иначе не сдвинешь... Признания убитых киллеров – чистейший бред, это не те киллеры, которые имеют отношение к Омельчуку. Однако – они мертвы, и получается, что теоретически могли знать и того киллера. А он, кстати, еще жив... Да дело не в киллерах, а в том, кто и почему на него наезжает. «Крендель»? Зачем ему это нужно? Ведь с ним все утрясли, договорились о мире... А может, это сам «папа» его натравливает? А ему это зачем?.. А кто бы еще осмелился?..

Евгений Зиновьевич еще долго размышлял бы над неожиданно возникшими нервотрепными угрозами, если бы его не подхлестнул к действию один разговор. В кулуарах Верховной Рады к нему подошел известный журналист Валерий Шкодченко из популярного интернет-издания «Тайны Печерска». Попросил эксклюзивных пять минут и ошарашил вопросом:

– Скажите, вам известно о каких-то видеозаписях, связанных с убийством Омельчука?

Щегольский тут же внутренне мобилизовался, показал рукой в сторону окна:

– Пройдемте, – сказал с кривоватой улыбкой. Он знал, что эта улыбка известна всем журналистам, она появлялась на лице именитого народного избранника каждый раз, когда ему задавали провокационные вопросы. Эта улыбка означала: «Знаю я ваши уловки, фиг чего услышите», кроме того, улыбаясь, Щегольский готовил себя к правильному ответу.

Он раскованно присел одной половинкой толстеющего депутатского зада на мраморный подоконник, снял очки в золотой оправе, отчего лицо преобразилось, как у женщины, только что смывшей макияж, стало непривычно простоватым, хотя в черных его глазах было по-прежнему темно, как в сумке контрабандиста. Он небрежно бросил очки, обхватил сомкнутыми руками колено, обнажив золотые запонки, и одарил вопрошающего той самой коронной улыбкой:

– Еще раз, пожалуйста, вопрос.

– Евгений Зиновьевич, я ни в коем случае не имею в виду, что вы связаны каким-то образом с этими записями и вообще с этим делом, – расшифровывал свой вопрос Шкодченко, тербя черную, закрывшую пол-лица, бороду. – Просто, по моей информации, вы знаете, что такие записи существуют. И даже, якобы, знаете, у кого они.

– Теперь знаю. От вас. И если вам можно верить, то записи действительно существуют.

Вопрос лишь в том, можно ли вам верить? Кто вам такое сказал?

– Это секрет, вы сами понимаете.

– Хорошо, и сколько стоит ваш секрет?

Видя, что журналист замялся, Щегольский повторил:

– Сколько?

– Да... Вообще-то журналисты информаторов не продают.

– Вообще-то да! А в частности?

– В частностях тоже...

– Сто.

Шкодченко сначала поднял брови, потом скептически усмехнулся.

– Триста. Вы поймите, что никаких компроматов я не боюсь, я чист перед законом, ни на какую пушку никакими мифическими записями меня не возьмете. Но мне интересно другое: кто под меня копает? Во что меня втягивают, и кто? – убедительно произнес Щегольский и добавил: – Пятьсот.

Известный журналист сделал сдающийся жест. Они прошли на мраморную, устеленную зеленой ковровой дорожкой лестницу, ведущую со второго этажа на третий, где не было людей, Щегольский отсчитал сотенными пятьсот долларов и элегантно положил их в карман собеседнику.

– Мне позвонил неизвестный, представиться отказался, – быстро заговорил журналист, – и сообщил, что у помощника Паукшенко Валентина Нестеренко хранятся записи, проливающие свет на убийство Омельчука. И что это можете подтвердить вы.

– Все?

– Все.

– Забудь об этом звонке. И о нашем разговоре, – отрывисто и властно сказал Щегольский. – Забудь навеки. Ты понял?

Представителю независимой прессы оставалось лишь утвердительно кивнуть головой.

В ответ на атаку «Щегла» (помощник-консультант исчез бесследно) «Большой Крендель» решил ответить «видеокартинкой». Никаких видеозаписей, конечно, у него не было. Но раз «Щегол» на такое повелся, значит, должен получить – если не видеозаписи, то хотя бы «видеокартинку».

Это «видео» смотрели миллионы людей, его демонстрировали все телеканалы. В очень живописном уголке Киева, в самом центре, недалеко от стадиона «Динамо» расположилось уютное и шикарное казино (там же кафе-бар, ресторан с варьете) «Респект Хаус». Все, кто был связан с политикой, знали, кому оно принадлежит, и знали, что с тыльной стороны трехэтажного здания, со стороны парка, был другой вход – в негласную резиденцию Щегольского. В одно прекрасное утро, когда посетителей в казино не было, оно взлетело на воздух. Рвануло так, что стоящий у парадного входа «БМВ» перевернуло вверх колесами. Жертв было немного – один охранник погиб, второй получил ожоги средней степени. Зато огня и разрушений, к радости зевак и тайных недоброжелателей Щегольского, хватило на две недели разговоров и комментариев в СМИ.

Так началась война между самыми мощными кланами, верхи которых в клубных пиджаках и дорогих галстуках ручной работы постоянно мелькали на телеэкране. Они искренне возмущались тем «бандитским беспределом», который творится в стране, а при малейших попытках журналистов связать с этим беспределом их имена давали гневную и аргументированную отповедь.

Истоки этой межклановой войны до конца понимал лишь один человек – Сергей Грохов. Смысл его игры был в том, чтобы, сражив «Щегла» с «Кренделем», а затем искусно поддерживая стену огня между ними, максимально обнажить их президентские амбиции. А вдруг в этой драке не на жизнь, а на смерть, проявится тот самый кандидат, о котором говорил Слепцов? Конечно, это может произойти только в том случае, если этого кандидата готовит одна из группировок.

Была, правда, у Грохова еще одна сопутствующая цель спровоцированной им бойни между главными политико-бандитскими группами: измотав их, обессилив, обескровив (в пря-

мом смысле слова – пусть расстреливают друг друга), в конце концов, лишить обоих возможности заполучить главное кресло страны. Грохов, хотя сам русский, уже сроднился с Украиной – здесь, в Киеве, ходила в школу его дочь, которой тоже предстояло жить в этой стране. Он не хотел, чтобы у власти стояли бандиты. Впрочем, все это было для него не главным – задумывая игру, цели как таковой он не ставил, она была делом сопутствующим. Ибо давно уже для него и целью, и смыслом жизни-игры был сам процесс игры. Он стремился к единственному – чтобы она была максимально интересной.

Самым интересным в данном случае являлось то, какой очередной удар нанесет один из противников. Грохов этого не знал – он делал все, чтобы удар был нанесен, но мог лишь представлять, в какой форме это произойдет. Конечно, если бы он где-то выступал со своими представлениями как политолог или обозреватель, его прогнозы слушали бы очень внимательно. Тем более, что мало кто из политологов и комментаторов знал о политиках и бизнесменах столько, сколько знал Грохов. В течение нескольких лет он серьезнейшим образом изучал всех мало-мальски влиятельных людей страны, знал не только, чем они дышат и чем кормятся, но и обладал всей возможной информацией об их окружении – партнерах, советниках, подручных, родственниках, кумовьях, одноклассниках, друзьях детства, любовницах. Самого же его вполне устраивала должность депутатского помощника-консультанта – можно было вращаться среди политиков, являясь в то же время фигурой, которая мало кого интересует. Такое положение и обеспечивало ему двойную жизнь. Ведь все живое, как он считал, живет двойной жизнью.

Когда, благодаря хитроумной комбинации команды Щегольского, обанкротился, фактически перестал существовать один из крупнейших украинских банков, находящийся под контролем Коренчука (председателя правления за махинации с иностранными ценными бумагами арестовали и посадили в Германии), Грохов предвидел, каким будет ответный удар «Кренделя». Тот, конечно, тоже ударит по финансовым основам империи Щегольского. Сергей не ошибся. Правда, вместо многоходовой операции Коренчук (видимо, нервы не выдержали) пошел в лобовую.

Возле подъезда своего дома был расстрелян из двух «калашей» президент банка «Кредит-инвест» Дмитрий Ляховский вместе с двумя охранниками. «Кредит-инвест» входил в первую пятерку украинских банков, имел корреспондентские счета за границей, через него отмывались и шли в оффшоры не только деньги Щегольского с компанией, но и деньги президентской семьи. На следующий же день после убийства в прессе появились заказные статьи, возбудившие панику среди акционеров и вкладчиков банка, начался бешеный отток средств. Нацбанк принял постановление об особом режиме санации «Кредит-инвеста», что означало если не его конец, то, по крайней мере, долгий и глубокий паралич.

После убийства Ляховского Грохову стало понятно: в этой смертельной схватке побеждает Коренчук.

Но не успел победитель пожать лавры в виде новых высоких должностей, точнее, ощутимого продвижения к заветному президентскому креслу, как произошло совершенно непредвиденное. Паукшенко создал свою фракцию в парламенте. Причем в нее вливались не какие-то безликие парламентские «кнопкодавы», а очень влиятельные депутаты со своим бизнесом. Но самое интересное – новая фракция «Независимость» стала враждебной к фракции Коренчука. «Паук» против «Кренделя»? И это в час триумфа, когда почти нейтрализован заклятый конкурент Щегольский? Кто-то из политических аналитиков мог подумать, что это игра «Большого Кренделя». Такие штучки известны: якобы, раскол в команде, демонстрация враждебности – а на самом деле все остается по-прежнему, просто очень выгодно иметь не одну, а две фракции.

Возможно, и Грохов так подумал бы, если бы не провел допрос Крышановского и не услышал из его уст весьма любопытные фамилии...

6

Крышановский один раз приезжал с двумя американскими конгрессменами, и несколько раз сам. Можно было догадаться, что он появился в Украине не случайно. Ясно было и то, что это фигура незначительная, всего лишь посредник. Но между кем? Кто его хозяин там, за океаном? Люди из ЦРУ? Госдепа? А может, это человек президента США? А может, других людей или структур? А может, это работает пресловутое CFR?..

Грохов даже предположить не мог, на кого выведет его этот невзрачный поляк. И никто из заинтересованных лиц, так или иначе задействованных на президентских выборах, этого не мог предугадать. Если бы люди из СБУ или ФСБ по-настоящему заинтересовались (как умели делать иногда их предшественники из КГБ) этим совсем не выдающимся гражданином Польши, история в той части Европы, которая сегодня называется Украиной, пошла бы по-другому. По-настоящему заинтересовался данной личностью только независимый игрок Сергей Грохов.

– Поляк работает на Госдеп, выбрали его потому, что Польша близко к Украине, он может ездить в Киев чуть ли не каждый день, – говорили в кулуарах искушенные политики и журналисты.

Однако Грохова информация на уровне гипотез и версий не устраивала. Ему нужно было знать реальную ситуацию – какие люди или группа людей (по именам!) имеет виды на президентскую власть в Украине, насколько мощную финансовую помощь они могут оказать своему протеже, на какие гадости (тоже важнейший показатель серьезности намерений), вплоть до человеческих жертв, они готовы.

Одна, казалось бы, мелочь подсказала Грохову, что делать. Копаясь вокруг личности Крышановского, он узнал, что тот панически боится летать самолетами – никогда не сядет в воздушный лайнер, если можно поехать поездом. Значит, самолетом он пользуется только тогда, когда нужно лететь в Америку?

– Все, парень наш, – сразу сказал Вадим, которому Сергей поручил «шефство» над Крышановским.

– Помнишь, мы говорили о вреде и пользе разных фобий? – спросил Сергей.

– Конечно, помню. Их нужно использовать, это наш хлеб. Аэрофобия этого поляка нам поможет, я уверен.

– Он твой, работай. Но здесь главное – не переусердствовать. Живой материал ведь, тонкой европейской формации!

Через месяц Вадим узнал, в какой гостинице останавливается, куда и каким поездом едет из Украины Крышановский. Стало ясно: раз интересующий объект ездит в поезде, то очень легко поработать с ним именно там, это даже легче, чем в гостинице, не говоря уже о самолете.

Грохов не часто прибегал к радикальным методам – радикальными он называл физические методы воздействия на человека. Среди радикальных были мягкие и жесткие методы. Психотропное воздействие – естественно, мягкое. (Впрочем, смотря с какой целью применяется: если с целью получить информацию – это одно, а если довести человека до самоубийства – это другое.) Да и то, Сергей решился на него только после того, как Вадим прогулялся с поляком по Европе.

Отправил он Вадима в такое «турне» не только из необходимости выследить связи Крышановского, но и ради самого Вадима. Сергей иногда практиковал такое – посылал друга вроде бы по важному заданию, делая ему приятное, дабы тот не забывал: игра – это дело приятное! Вадим как раз интенсивно изучал английский – опять же по заданию Сергея, который в послед-

ние годы освоил немецкий. Кроме того, Грохов буквально месяц назад оформил для Вадима Шенгенскую визу.

Вадим сел в тот же поезд, что и Крышановский, и поехал в Варшаву. Оказаться в том поезде, в котором нужно, не составляло проблемы. Вадим и этому научился у Сергея: за лацканом тот всегда носил «значок», который открывал любые двери и действовал неотразимо на любого проводника, вахтера, контролера, администратора и т.д. Этот «значок» – аккуратно свернутая стодолларовая купюра, приколотая булавкой к тыльной стороне отворота пиджака или куртки. Сначала, благодаря такому «проездному билету», проводница взяла его до Ровного, то есть до границы. А потом, за такую же сумму, она же решила вопрос и с проездом до Варшавы.

Полный ответ на вопрос, с кем связан Крышановский, Вадим, конечно, из дальнего зарубежья, не привез. Да Сергей на это и не рассчитывал, понимая, что вопрос, на кого работает Крышановский, – это не вопрос, а сверхвопрос. Имея на него ответ, можно было планировать свою большую игру на президентских выборах. А без ответа на этот вопрос Грохов был бы таким, как все – все те, кто считает себя игроками на политической и деловой аренах. Грохов не считал себя игроком – он БЫЛ игроком.

Вадим не только не привез ответ на супервопрос, а привез новые, непредвиденные вопросы.

– Оказалось, в Варшаве путешествие Крышановского не закончилось, – рассказывал он. – Вместо того, чтобы с дороги поехать домой, принять душ, переодеться и затем направиться в соответствующий офис, доложить, кому следует, о поездке в Украину, он, что ты думаешь, сделал?

– Поехал к любовнице.

– Нет, серьезно.

Сергей задумался.

– Серьезно, говоришь? Поехал куда-то дальше в Европу. Возможно, чтобы сесть на самолет где-то в Париже, например, ближе к страшной Атлантике, через которую долго лететь...

– Дальше в Европу – это точно! Но не так и далеко. Он взял билет до Вены. И укатил, практически не выходя из здания вокзала.

– Интересно. Как ты думаешь, почему он не поехал сразу в Вену из Киева?

– Конспирация! – уверенно ответил Вадим.

– Так, очень интересно. Ну, давай дальше, не томи. Ты, надеюсь, не отстал?

– Сначала возникли осложнения: билет до Вены в этот же поезд я купить не успел, а «билет» за лацканом пускать в дело не решился, а вдруг там, на Западе такой «проездной» не сработает, и я упусти клиента? Что бы ты делал на моем месте?

Они часто перемежали свои беседы вопросами «А как ты думаешь?», «А что бы ты сделал?» Это, во-первых, помогало лучше понимать друг друга, во-вторых, воспринимать разговор как умственную разминку, а не как болтовню.

– Взял бы такси и пошел наперехват. До ближайшего города, где поезд делает остановку.

– Я так и сделал. Выжал из таксомотора все, что мог, и в Кракове сел на тот же поезд.

– И что же делал наш друг в городе Моцарта-Бетховена-Шуберта-Штрауса-Брамса?

– И Листа тоже. Выяснилась интересная подробность: Крышановский направился не в аэропорт. И не в какой-то аккуратный особнячок в стиле барокко на тихой, уютной венской улице, где размещается представительство некой организации, не стремящейся к рекламе...

– ... как в детективных фильмах показывают... – вставил Сергей.

– Да. Он зашел в серый офис какой-то фирмы под странным названием «Silikon», но не на тихой, а на очень многолюдной улице, в центре города, на Kartnerstrasse. Пока я ждал клиента, у меня было время, и я выяснил: фирма торгует оргтехникой, компьютерами и прочим.

– Как ты назвал улицу?

- Картнерштрассе ... – выразительно повторил Вадим.
- Правильное произношение. Ну, продолжай.
- Он пробыл там около двух часов, затем вернулся напрямик на вокзал и сел в варшавский поезд...

Вопросов появилось много: почему Вена? Значит, в Америку ему летать не надо? Есть другие посредники? Почему торговая фирма? Почему сразу туда, минуя дом родной в Варшаве? Что за спешка такая? Кому принадлежит фирма на Картнерштрассе? С кем, в конце концов, Крышановский там встречался? Какие инструкции получил?.. А когда накапливается много вопросов по одному предмету – это даже хорошо. Тогда не остается ничего другого, как прибегнуть к радикальному методу, дабы попытаться получить ответы на все вопросы сразу.

Допрос Крышановского в поезде «Киев-Варшава» Грохов провел профессионально – не впервой такой «медпрактикой» заниматься. Он знал, что когда человек под психотропным, другими словами, гипнотическим воздействием, ему нужно задавать простые, почти детские вопросы. Под чужой волей взрослый человек – действительно, как ребенок; он должен знать, что отвечать, а не силиться что-то вспомнить (как в кино показывают), поэтому вопросы нужно задавать наподобие «Как зовут твою маму?» или «Какая твоя любимая еда?» Более того, максимально результативным допрос будет тогда, когда спрашивают о том, о чем допрашиваемый сам подсознательно хочет рассказать. Прежде всего – какой-то секрет, который человек держит за семью замками. Чем крепче и глубже запирает сознание какую-то информацию, тем сильнее подсознание будет стремиться эту информацию вытолкнуть на волю.

Крышановский назвал несколько фамилий, в том числе одну немецкую, которая Грохову сразу ничего не сказала. Станным было то, что англоязычные имена из уст поляка не прозвучали вовсе. Зато несколько фамилий – своих, родных – поведали о многом.

- Кто с тобой встречался? – жестко спросил Грохов и тут же уточнил: – Карнаухов?

Это была фамилия главы парламентского комитета по евроинтеграции. Если бы прозвучала только первая часть вопроса, ответ вряд ли бы нашелся, ибо требовалась бы логическая работа памяти. А конкретная фамилия предполагала короткий однозначный ответ, причем, для четкости восприятия вопроса фамилия должна произноситься в именительном падеже.

- Да, – отвечал уколотый Крышановский.

– Кто еще с тобой встречался? Чубенко? (Грохов знал, что Крышановский был у министра иностранных дел Станислава Чубенко).

- Да.

– Кто еще с тобой встречался? – Это был самый главный вопрос, ради которого и задавались все предыдущие, дабы настроить отвечающего на нужные регистр и темп.

- Паукшенко... – прозвучала интересная фамилия.

- Кто еще с тобой встречался?

- Клещенко... – прозвучала любопытная фамилия.

- Кто еще с тобой встречался?

- Карпич... – прозвучала ошеломительная фамилия.

Грохов ошеломлению не поддался, а задал уточняющие вопросы:

- Как зовут Карпича?

- Сергей Семенович.

- Где проходила встреча: у него в кабинете или у него дома?

- Дома.

- Где находится дом? В Буче?

- Да...

Семен Сергеевич Карпич являлся не кем иным, как вице-премьером по энергетике и был, несомненно, креатурой Коренчука. Правда, это не мешало ему слыть мощной самостоятельной фигурой – поговаривали даже, что он может стать кандидатом в президенты. Карпич,

как никто, воплощал в своем облике «сильную личность», исповедовал авторитарный стиль руководства, зато и платил прилежным подчиненным за месяц столько, сколько не получали за год подручные других влиятельных личностей государственного масштаба. Что касается умения добывать финансы, то никто из высшей политической тусовки не сомневался: если за дело возьмется Карпич – деньги будут. В тот же день, когда его назначили вице-премьером, он собрал актив вверенных ему министерств, в том числе нескольких министров, и произнес сакраментальную фразу:

– Миром управляют деньги и страх. Деньги будут у меня, страх – у вас.

Так оно и происходило. Его боялись и уважали (от его приближенных в политические кулуары попала кличка «СС» – то есть Семен Сергеевич). Такой человек – незаменимый на президентских выборах. Для любого кандидата, который будет иметь под рукой Карпича, – это уже половина победы. Во-первых, он экстраполирует на соискателя президентской должности часть того уважения, который питают к нему не только политики, но и избиратели. А главное – с ним можно быть спокойным за финансовую сторону выборов, он сумеет аккумулировать все доступные средства, пустить мощные финансовые потоки, куда нужно...

Во время допроса было неясно, какая связь между фамилиями Паукшенко, Клещенко, Карпич. Теперь же, когда Паукшенко создал фракцию, кое-что стало вырисовываться. Это было почти невероятно, нелогично, но факты сильнее логики. А если факты сильнее логики, значит, у них своя, непостижимая до поры до времени логика. Так или иначе, а получалось: «темная лошадка», о которой говорил Слепцов, – Богдан Клещенко. Ничем не выдающийся депутат, из центристов, но тяготеющий к националистам. Когда-то он имел возможность стать фигурой – около года был министром экономики, но ничем себя не проявил, кроме бесхарактерности и отсутствия самостоятельности. Почему он? Ясно, что если кто-то его проталкивает, то не случайно – изучили, видать, его подноготную с потрохами. Значит, для этого «кого-то» такая кандидатура самая оптимальная? Тогда кто же он, таинственный «кто-то»?

7

Президент Украины в очередной раз слетал в Москву для встречи «без галстуков». А на следующий день после его возвращения в Киев был отправлен в отставку премьер-министр («за неудовлетворительную работу по подготовке к зиме») и на его место назначен Иван Коренчук. Это означало, что он, скорее всего, и станет преемником нынешнего президента.

Вывод Грохова, что в президенты Украины метит именно Богдан Клещенко, подтвердился. Фракцию, которую создал Паукшенко, возглавил именно он. Если бы Грохов не знал, куда устремлен этот новоявленный лидер, такое выдвижение поставило бы его в тупик – как поставило в тупик многих журналистов и политологов. Паукшенко, с его деловой хваткой, был даже не паук, хотя носил такое прозвище, а настоящий волк. Клещенко же в сравнении с ним – размазня, нечто расплывчатое, парнокопытно-беззащитное. И вдруг «волчара» уступает лидерство «парнокопытному». Не было сомнений, что «Паук» создавал новую парламентскую фракцию именно под Клещенко. Тогда что же за игра получается? Чья игра?

Если Коренчука, то он совершенно не заинтересован в том, чтобы кто-то лепил ему конкурента на президентский пост, а тем более – его первейший подручный Паукшенко. А если это не «Кренделя» игра, то как он мог выпустить из-под своего крыла «паука»? Какие силы запустили проект «Клещенко-президент»?

Для прояснения ситуации пора запускать тяжелую артиллерию, решил Грохов. «Тяжелой артиллерией» в данном случае было нежное, хрупкое создание по имени Елена Лебедская.

Любая большая игра, даже самая что ни на есть мужская, становится намного интереснее, если в ней мастерски используется женский элемент. Это была аксиома, которую Грохов вывел для себя давно. Именно поэтому и завел пять лет назад особые отношения с депутатом Верховной Рады Лебедской. Знакомство и близость с ней – это была целая отдельная игра, которая задумывалась с не меньшей тщательностью, чем игра с Коренчуком и Щегольским.

36-летняя Елена Сергеевна Лебедская была и по возрасту, и по темпераменту фигурой, подходящей для игры (ведь если в женщине не чувствуется женская природа, как у большинства политиков в юбках, то не на чем строить игру). Ее нельзя было назвать красавицей, но она была самая красивая женщина-депутат за всю историю независимого украинского парламентаризма. А красота, даже относительная, всегда и везде продается, по той простой причине, что на нее всегда есть покупатель. Лебедская, конечно, отдавалась не только работе, и Грохов это знал. Но она работала, и, фактически, жила в той сфере, где самыми большими шлюхами являются мужчины, – в политике. Эти шлюхи – разной продажной стоимости, но одинаковой готовности отдаться – вертелись вокруг и рядом в таком количестве, что Лебедская была среди них точно одинокая лилия на гнилом болоте.

После возвращения в Киев Грохов с ней виделся лишь один раз.

– Ты меня еще не забыла? – спросил по телефону.

И получил столь же трафаретный, но, по сути, единственно желаемый ответ:

– Разве настоящих друзей забывают?

После этого звонка была встреча, как они называли, «на высшем уровне».

Поэтому насчет их отношений Грохов был спокоен. Между ними сохранялась, как он изначально и задумывал, нежная дружба.

На классический вопрос: может ли быть крепкая и чистая дружба между мужчиной и женщиной, он давно дал ответ: нет, не может (если, конечно, обе особи физически и морально здоровы). Если дружба чистая, то она не крепкая, а если крепкая, то...

Дружбу с Лебедской он завоевывал, точнее, выстраивал долго. Разрабатывая тактику знакомства, ни на минуту не забывал главное свое правило, которое всегда, при неукоснительном его соблюдении, дает результат: цель игры – не какая-то цель, а сама игра.

Сначала он заработал ее улыбку – не дежурную, а персональную. Она обладала целым арсеналом разных улыбок, на все случаи ее депутатской жизни – улыбка-поддержка, улыбка-протест, улыбка-поощрение, улыбка-сомнение, улыбка-согласие, улыбка-казнь, улыбка-нужник и другие. У нее было пластичное лицо, подвижные серые глаза и гибкие, фигурно очерченные губы, которые она умела складывать так, как требовала обстановка.

Решающим в его дружботворчестве стал момент, когда после трехмесячного формального знакомства, благодаря его усилиям, она получила в свои руки парламентский комитет...

Он долго думал, как продвинуть Лебедскую. Самый простой путь – это подсказать ей, под кого лечь. В смысле политическом, конечно, а уж в другом смысле – пусть решает сама. Под кого-то лечь – это нормально в политике. Не только нормально, а это единственно-верный способ достичь успеха, вскарабкаться на вершину: лежачее положение – это как низкий старт для прыжка вверх. Все политики нуждаются и ищут, под кого лечь, даже президент. Ведь он тоже, как и все, слабенький человечек, к тому же – политик. Грохов это знал как прописную истину. Но в отношении Лебедской ему не хотелось, чтобы она под кого-то ложилась. Если она делала это раньше или сделает сама – пожалуйста, но только не по его подсказке. Может, срабатывало вполне осознанное желание уложить ее под себя? В конце концов, способ возвышения Лебедской нашелся.

Это было пять лет назад. Шли президентские выборы. Одним из конкурентов у действующего президента и кандидата в президенты был 55-летний депутат Рады Алексей Холодняк. Он, в общем-то, не составлял реальной конкуренции, но очень нервировал «папу»: одно упоминание этой холодной фамилии раскаляло, словно спирали в электроплитке, его нервы, расширяло его хищные ноздри, приводило его в гневное состояние вплоть до боли в области печени. Единственное, что утешало «папу», – это усердие Людмилы Подколенко, еще одного кандидата в президенты, которая шансов на президентское кресло не имела, зато также люто ненавидела Холодняка и не упускала случая облить его грязью. Когда-то она помогала ему создавать партию, потом они погрызлись на почве властолюбия, Подколенко откололась – хотела увести с собой, как минимум, половину партии, но пошли за ней единицы, с тех пор более страшного врага, чем Холодняк, у нее не было.

Грохов предложил Лебедской следующее: пойти как депутату Верховной Рады на прием к президенту и в разговоре, как бы между прочим, заметить, что скоро Холодняк будет основательно дискредитирован, есть, мол, такая информация. Грохов объяснил Лебедской, что «папа» таких вещей мимо ушей не пропускает; Холодняк у него «в печенках» сидит чуть ли не в буквальном смысле слова. Заодно Сергей ненавязчиво дал понять Елене Сергеевне, что на втором году депутатства пора выходить в дамки – то есть становиться заметной фигурой. Это критический момент для рядового депутата – либо он так и останется рядовым, без перспектив стать известным и влиятельным, либо таки пробьется в хорошее кресло, из которого хорошо видны еще более высокие кресла. Короче: плох тот депутат, который не мечтает стать министром, плох тот министр, который не мечтает стать премьером, плох тот премьер, который не мечтает стать президентом, плох тот президент, которому достаточно власти... Вариант с Холодняком – беспроигрышный: даже если ничего с ним не произойдет, ее слова, пророненные вскользь, будут расценены первым лицом страны как безобидная ошибка или чрезмерное желание угодить ему. То есть она ничем не рискует, а приобрести может многое: ведь одно слово «папы», который умеет быть благодарным за услугу (собственно, в этом и состоит политика), способно запустить любой механизм в Раде, например, замены руководителя парламентского комитета. Лебедская, хорошенько поразмыслив, согласилась – придумав повод, пошла на прием к главе государства.

Где-то через неделю, в разгар предвыборной гонки, во время выступления Людмилы Подколенко перед тысячной толпой, ей под ноги полетела граната – настоящая, боевая граната РГД-5. Она разорвалась метрах в пяти от выступающей. Несколько человек, однопартийцев, а заодно и телохранителей Подколенко получили ранения, сама она тоже поймала бедром небольшой осколок.

Метателя гранаты взяли тут же, в толпе. Он и не пытался убежать. И оказалось, что этот террорист – помощник и доверенное лицо Холодняка. Все политические и криминальные обозреватели, комментируя происшествие, диву давались: неужели Холодняк мог так примитивно мстить своей бывшей соратнице? Ведь это грубое, топорное покушение угробило его рейтинг на президентских выборах! Сам Холодняк от комментариев категорически отказывался, молчал и его неудачливый помощник-гранатометатель, который пропал в подвалах СБУ (спустя год в суде он будет утверждать, что не помнит, как у него в руках оказалась граната). В общем, это было очень странное покушение – ни одной вразумительной версии, объясняющей логику нападавшего на Людмилу Подколенко, так в прессе и не появилось. Высказывались одни лишь догадки, в том числе и о том, что помощник Холодняка кинул эту злополучную гранату под воздействием каких-то новейших психотропных препаратов или под гипнозом, а раз оно так, то это очень темное дело каких-то темных спецслужб...

После того, как «папа» был избран на второй срок, Лебедская, по профессии юрист, стала председателем парламентского комитета по вопросам правовой политики. А глава парламентского комитета в государственной иерархии уже не рядовой деятель – даже может вызвать на ковер профильного министра, а значит, может выгодно дружить с ним, да и с другими высококоранжированными людьми.

Но Сергею нужна была не ее дружба с министром, а ее дружба с ним. Он, обеспечивший Лебедской такой успех, гарантировал ее особое расположение к себе. Он ее заарканил, набросил на нее петлю уважения. Но петля уважения – это как мертвая петля в высшем пилотаже: после нее самолет должен лететь дальше и, в конце концов, приземлиться. Взлет ее интереса он уже возбудил, теперь требовалась посадка, мягкая и надежная, то есть нежная дружба. Игра продолжалась, и здесь, как и в любой его игре, для Грохова важен был не результат игры, а процесс. Когда не гонишься за результатом, а наслаждаешься процессом, тогда и результат, как правило, превосходит ожидания.

Процесс, как он назвал, интимизации отношений начался в гостинице «Москва», переименованной позже в «Украину», где обосновались временно бесквартирные депутаты (семья Лебедской пока жила в Харькове – муж и девятилетний сын). Эту встречу она назвала «встречей на высшем уровне». Высший уровень – уровень чернокожего офисного дивана, на котором они познакомились как мужчина и женщина. С тех пор такая формулировка стала их паролем: «на высшем уровне» – означало на высшем интимном уровне.

Однако Грохов понимал, что на диванных, хотя и горячо-контактных, встречах далеко не уедешь, тем более, в Киеве, то есть дома. Для производительной деятельности (производства нежной дружбы) нужно создать нетривиальную обстановку, увезти женщину, например, на море или в другой город, где она смогла бы отвлечься от текущей дребедени, даже если эту дребедень называют большой политикой. Поэтому второй раз они встретились уже не в гостинице «Москва», а в Москве настоящей, куда она поехала, якобы, в командировку.

Встреч «на высшем уровне» было немного. Они встречались настолько редко, чтобы не надоест друг другу, и в то же время настолько насыщено, чтобы желать новых встреч. В общем, понятие «на высшем уровне» себя оправдывало – как и в политике, такие встречи, с одной стороны, не часты, с другой – максимально содержательны...

И вот впервые за несколько последних лет их встреча состоялась не «на высшем уровне». Зато в высшей степени по-деловому (деловые встречи бывают очень продуктивными, когда подкреплены нежной дружбой).

Грохов объяснил, что должна делать Лебедская на президентских выборах: «лечь» под Клещенко.

– Разумеется, в сугубо политическом смысле, – тут же добавил.

– Да? – лукаво переспросила Елена Сергеевна. – А если потребуется не только в политическом?

– Я этого тебе не говорил.

– А если потребуется? – допытывалась депутат парламента тоном «девочки-Леночки», как иногда называл ее Грохов. – Он симпатичный, даже, можно сказать, красавчик.

– Тогда мне придется его убить. Несмотря на то, что он красавчик и будущий кандидат в президенты. Думаю, страна немного от этого потеряет.

Она ответила улыбкой, которая только для него, довольная завершением той простецкой словесной игры, когда женщина слышит от мужчины нотки хотя и спровоцированной, однако законной ревности.

Лебедской не нужно было объяснять, какие дивиденды она получит в случае победы Клещенко на выборах. Правда, пришлось убеждать, что он реальный кандидат, ведь это пока что мало кто понимал. И надо связываться с ним именно сейчас, немедленно, пока еще никто не видит, какие деньги под него потекут. Потом, когда увидят, – разных рангов прихлебалы, политики и общественные деятели, слетятся на запах свежих денег, как мухи на свежее дерьмо. И тогда даже Лебедской невозможно будет втиснуться в тот круг, который ближе всего к кандидату.

Если бы ей такое рассказал кто-то другой, она просто посмеялась бы в ответ. Но она знала Грохова – не просто как мужчину, а таинственного мужчину с очень серьезными, мало кому доступными знаниями. Его советы она воспринимала как прямое руководство к действию.

Спустя несколько месяцев Грохов будет иметь в команде Клещенко незаменимого, надежнейшего друга-информатора, дружба с которым зиждется не на каких-то деловых договоренностях или политических устремлениях, а на взаимоприятельной, одухотворенной физиологии – физиологии на высшем уровне.

8

Теперь самое время было сосредоточиться на вице-премьере Карпиче. Грохов отслеживал его работу и жизнь с тщательностью хирурга, который ищет во внутренностях пациента проглоченный им бриллиант. Прежде всего, нужно было проверить и расшифровать информацию Крышановского. Она была очень скупая и не совсем понятная. Польский друг Украины на вопрос, сколько раз виделся с Карпичем, ответил: «один раз». Эта встреча заняла всего несколько минут: Крышановский назвал три даты, Карпич даже слова не сказал, лишь кивнул головой, и на этом разговор, если его можно так назвать, закончился. Даты такие: 5 сентября, 12-е сентября и 19-е сентября. Что это были за дни, Крышановский не знал. Не знал и Грохов, хотя перебрал массу вариантов. Ясно было одно: в эти дни «СС» должен быть под особым вниманием.

5 сентября ни с объектом особого внимания, ни вокруг него ничего особенного не случилось. Да и 12-го, вроде бы, тоже не произошло ничего сверхинтересного. Для всех, кроме Грохова, который, наконец, дождался прояснения – от неба, в прямом смысле слова. В этот день Карпич полетел в Германию для переговоров о строительстве в Украине гидроаккумулирующей электростанции при помощи немецких специалистов. Казалось бы, обыкновенный рабочий визит вице-премьера по энергетике. Но вместо того, чтобы прямо лететь в Берлин, Карпич сделал посадку в Вене и пробыл там более трех часов. Это в прессе не афишировалось, хотя с Карпичем всегда летали особо доверенные, прикормленные журналисты (среди них теперь был один дважды прикормленный – не только щедрой рукой энергетического вице-премьера, но и еще более щедрой рукой Грохова). Ни в каких анонсах и пресс-релизах о венских делах зампреда правительства не было сказано ни слова. Грохов теперь понял, что означали даты, названные Крышановским: Карпичу давали возможность из трех вариантов выбрать время для тайной встречи. И вот она состоялась. О чем это говорило? О том, что кандидат в президенты Украины Клещенко – это серьезно, ибо готовится мощное финансирование его избирательной кампании с Запада.

Грохов еще в конце лета заметил, как в украинском Интернете начали быстро появляться новые солидные сайты, а солидные сайты стоят денег. Потом на медиа-рынок вышла крупная всеукраинская газета «Наши дни» и – самое знаковое событие в журналистике: один из центральных телеканалов перекупил Паукшенко. Затем стали возникать новые аналитико-информационные «центры» и «институты», созданные на западные гранты, а вслед за ними общественные организации типа «За гендерное равноправие» или «Запад-восток вместе» – тоже со своими сайтами и мельканием на телеэкране (мелькание на телеэкране в предвыборный период не бывает бесплатным). Когда Грохов поинтересовался офисами этих организаций, то выяснил, что все они находятся в центре Киева, где плата за аренду приближается к расценкам в столицах мира.

Все говорило о том, что деньги уже пошли: дальше эти «зеленые» ручейки превратятся в потоки и, в конце концов, в большие реки, которые выйдут из берегов. Сергей, как профессионал, знал, что такое настоящий размах, что значит «выход из берегов» – это когда заинтересованные финансисты перестают считать деньги. Не очень это правдоподобно, на первый взгляд, чтобы деловые люди перестали считать свои деньги, но для того и существуют такие сверхлюди, как Карпич по кличке «СС», которые могут заставить рядовых миллионеров не считаться с расходами. Получается: Карпич будет направлять один финансовый поток на кандидата от власти Коренчука, для видимости, второй – на Клещенко, для его победы. А таинственная западная сила будет наблюдать за его работой, и в случае необходимости что-то под-

бросит. Но подбросит не в общий поток, а целенаправленно, в нужный момент, в нужном месте и самым нужным людям...

«Гениально!» – подумал Сергей Грохов, когда понял, что Карпич завербован. Если та забугорная сила решила использовать самую подходящую, какая только есть на сегодняшний день в Украине, самую мощную фигуру для выполнения задачи финансирования выборов, то она не ошиблась: лучше Карпича – не найти. Член правительства, который распоряжается бюджетными финансами, как шулер крапленными картами, который может изъять предназначенные для казны десятки, а то и сотни миллионов долларов, и никакая счетная палата, никакой парламентский контроль об этом даже не догадаются, – разве это не «находка для шпиона»? Если выбрали такого финансиста, значит, денег будет очень много, Карпич за мелочевку не берется, и те, кто его завербовали, это хорошо знают. И как дерзко! Ведь Карпича никто не заподозрит в деятельности, направленной против «папы» и Коренчука.

«Настоящие игроки!» – резюмировал Грохов. – Вопрос лишь в том, как его завербовали. Хотя, это не очень и сложно. При тех делишках, которые он прокручивает, подцепить его на крючок не проблема».

Грохов забросил и свои крючки. Он давно имел удостоверение журналиста элитарной газеты «Зеркало Украины», которую читали все политики, благодаря знакомству с ее редактором. «Корочки» помогали бывать там, где бывает Карпич, в частности, у его имения в Буче, что в двадцати километрах от Киева. Теперь охрана Карпича нередко могла видеть скромную, но настырно маячившую у ворот дачи «девятку» с табличкой «Пресса». Сам Грохов бывал там нечасто – для такой работы были вызваны люди Вадима, которые тоже имели удостоверения внештатных корреспондентов известных газет. «Журналистское» дежурство у дачи Карпича не было постоянным. Грохов то снимал его, то вновь устанавливал – на всякий случай, по обстановке и по чутью (спустя несколько месяцев он сам удивится своей прозорливости, когда произойдет случай, о котором узнает весь мир).

– Карпич – тоже игрок, будь с ним осторожен, – напутствовал Сергей Вадима. – Главное – не вспугни его. А я пока выйду из игры.

– Я всегда осторожен, – ответил Вадим словами Штирлица. – А ты надолго?

– Я на связи. Но звони лишь в экстренном случае. Ни одна встреча Карпича с Клещенко или Карпича с Западом не должна остаться для нас незамеченной. примени все свои таланты, я имею в виду прослушку.

– Я то применю, но... – замялся Вадим.

– Я понял. Тебе нужно то, чего обычно не хватает талантам, – Сергей вынул из внутреннего кармана тугую пачку долларов и передал другу.

– Ты всегда меня понимал, – удовлетворенно заметил тот, пряча поглубже деньги.

– Я не спрашиваю, где ты будешь покупать технические средства, но знаю: методы прослушки постоянно совершенствуются.

– Здесь хватит, чтобы усовершенствоваться, – улыбнулся Вадим, хлопнув ладонью по карману, который отяжелел только что на десять тысяч американских долларов.

Карпич теперь был «на мушке», и Грохов решил отвлечься от всех дел, освободить голову для поиска ответа на главный вопрос: кто те люди, которые дергают за ниточки издалека? Кто эти игроки-кукловоды? Иногда такое отвлечение помогало, он называл его «положение вне игры». Нужно было, кровь из носу, распознать ту силу, которая вела Клещенко.

Как-то в неясный день, освежая голову в пустынном Голосеевском парке, Сергей присел, подложив газетку, на влажную скамейку. Людей не было. На пруду, усеянном уже желтеющей, как и все вокруг, ряской, плавали утки, ныряли головой, ища в глубине что-то привлекательнее ряски. Над прудом висело мутное, как похмельный взгляд бомжа, небо. Грохов, закрыв глаза, застыл в медитативной отрешенности.

То ли из ненасильственной сосредоточенности, то ли из отвлеченной полудремы выплыла мысль: если бы он, Сергей Грохов, стал игроком мирового масштаба, то есть взялся бы играть не с отдельными воротилами не очень большой страны, а с лидерами стран, президентами, премьерами, канцлерами, – что бы он делал первым делом? Правильно, прослушивал бы их разговоры, то есть делал бы все, чтобы получить такую возможность. Без прослушки сегодня невозможна никакая серьезная игра.

Тут он открыл глаза. Так ведь с «папой» давно так играют! И периодически в прессу выбрасывают фрагменты разговоров, записанных в его кабинете. Давно записанных – еще до того, как исчез известный тележурналист Анзор Гавранич. Тот самый Алексей Холодняк, бесславно проигравший президентские выборы «папе», но остающийся народным депутатом, имеющим юридическую неприкосновенность, – однажды обнародовал магнитофонные записи, сделанные в кабинете президента. (Не зря «папа» его ненавидел – это была сногсшибательная месть первому лицу страны). На этих записях звучал голос, очень похожий на президентский, который требовал от руководителей МВД и СБУ разобраться с оппозиционным журналистом Гавраничем. И разобрались, да так, что весь мир содрогнулся: обезглавленное тело журналиста нашли в лесу под Киевом...

– Как эти записи к вам попали? – лично, одним из первых, спрашивал Холодняка Грохов, представившись журналистом.

– Эти пленки были записаны патриотами Украины! – отвечал экс-кандидат в президенты. И больше ни на какие откровения не шел, а только бегал размыто-светлыми, шиферного цвета глазами, маленькими, будто созданными для того, чтобы подсматривать в замочную скважину.

В течение трех лет он периодически собирал пресс-конференции и выливал на главу государства очередной компромат, записанный в президентском кабинете, в котором фигурировали неугодные власти журналисты и политики. Свои брифинги он неизменно заканчивал словами, адресованными президенту:

– Кто убил Гавранича?

Благодаря этим сенсационным записям Холодняк снова попал в парламент, вновь обеспечив себе депутатский иммунитет. И стихами гражданского звучания, которые он писал еще с юности и о которых давно и хвалебно говорили в его партии, он теперь начинал и заканчивал свои выступления. Однажды четверостишие в авторском исполнении даже прозвучало на одном из второстепенных телеканалов (первостепенные были под контролем «папы»):

Раздирали твое тело, травили,
Иссушали твою душу и кровь...
Украина ты моя, Украина,
Не оставь своих сынов без голов...

А насчет того, кто же записывал разговоры президента страны, так никто вразумительного ответа и не дал. Опять же, как и с Крышановским, самой ходовой версией была версия о кознях всемогущих заокеанских спецслужб. Их задача состояла, якобы, в том, чтобы посредством компромата сместить нынешнего президента и посадить в главное кресло страны своего человека.

Грохов вспомнил, что именно тогда на политических волнах появился Богдан Клещенко – он стал министром экономики, о нем много писали положительных (заказных, понятно) статей как о хорошем экономисте и перспективном политике.

– Так кто же ты, таинственный и великий мистер «Х»? – произнес Грохов вслух, обращаясь к низко нависшей туче, застывшей, как покрывало на мертвеце. – А кто кого надоумил отрезать голову журналисту? Неужели это тоже входило в план игры с «папой»? Ты великий игрок, если так спокойно играешь с президентами!

Грохов неожиданно осознал, что обращается к неведомой, могущественной западной силе, которая так тонко и действенно вмешалась в президентские расклады в Украине, – как к человеку, конкретному игроку!

Его уже несколько дней не покидала смутная догадка, что за всей этой историей с выдвижением «Клеца», мощной поддержкой якобы Америки, стоит вовсе не Америка, и не какая-то тайная спецслужба, а один человек. Сергей не мог четко ответить, почему он так думает, но его собственный многолетний игровой опыт подсказывал, что и здесь – чья-то игра. Не какие-то комбинации какой-то организации, которые тоже иногда называют игрой, а персональная воля какого-то очень могучего режиссера.

Придя домой, он еще раз внимательно прослушал диктофонную запись допроса Крышановского. И выделил фамилию Грехер. Ту самую фамилию, которую сразу отметил просто как немецкую. Сначала она его не натолкнула ни на какие мысли: Грехер – ну и Грехер, мало ли каких европейских сотрудников поставили работать с поляком. К тому же, тогда внимание почти всецело поглотил Карпич, не было сомнений, что именно он – главный козырь и главный успех допроса. Теперь Грохов уловил нюанс, страх в голосе, с каким Крышановский произнес имя немца:

– Грехер... – и как бы проглотил это слово назад.

Даже под психотропным гипнозом польский посланец демократии боялся. Чувствовалось, что он об этом Грехере почти ничего не знает, но боится его...

9

Норман с детства не любил лягушек. Но он узнал, что их режут. Зачем их режут, он не знал, но догадывался: что-то изучают. И он начал резать – для того, чтобы изучить: как так происходит, что когда лягушка сильно квакает, у нее глаза (ему казалось: именно глаза, а не подглазья) раздуваются, как мыльные пузыри. Как это происходит? Зачем это лягушке? А еще он резал их потому, что был уверен: так он наводит порядок в природе. Там, где он родился и вырос, в маленьком городке на юге Баварии, этих квакающих, шлепками прыгающих тварей было слишком много.

По весне, когда они в несметном количестве, коричнево-зеленой магмой спускались с Альп и следовали к своим болотистым прудам, мальчишки мастерили примитивные арбалеты, запасались стрелами, сделанными из толстой проволоки, и выходили на охоту. Стрелять этих маленьких, беззащитных чудищ на земле было неинтересно, поэтому Норман с друзьями садились на велосипеды, закидывали на спины самострелы и ехали за восемь-десять километров к лягушатникам, где устраивали соревнования на точность и результативность. Приготовив оружие, кто сидя, кто лежа замирали на берегу и терпеливо ждали: как только голова лягушки высывалась из воды, в нее летела стрела... И хотя мама говорила, что лягушек убивать нельзя – народные поверья связывали их с женщиной-матерью, – но как же их не уничтожить, если их так много, и они такие противные! А еще хитрые: ткнешь эту бородавчатую мерзость палкой – она одним прыжком переворачивается на спину, выпячивает безжизненно-белый живот, вытягивает конечности (верхние – ну точно, как сдающиеся руки) и прикидывается мертвой... Годом к двенадцати Норману охота на лягушек разонравилась, и он стал их оперировать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.